

[Polaris]

НЕКОТОРЫЕ

ЛЮБОПЫТНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ И СНЫ

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CDVI

Salamandra P.V.V.

НЕКОТОРЫЕ ЛЮБОПЫТНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ И СНЫ

**из древних
и новых
времен**

Salamandra P.V.V.

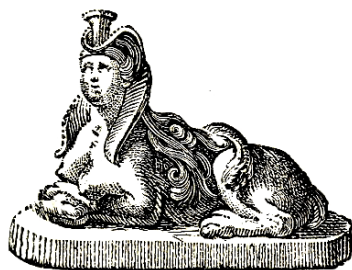
Некоторые любопытные приключения и сны из древних и новых времен. — Б.м.: Salamandra P.V.V., 2022. — 100 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CDVI).

Призраки, вещие сны, видения, алхимики теснятся на страницах небольшой книги «Некоторые любопытные приключения и сны», впервые изданной в 1829 г. Здесь нашлось место и для классических историй наподобие «сна Сципиона», «пророчества Казотта» или германского «призрака белой дамы», и для фантастических повествований о Фламеле, Сен-Жермене и Нострадамусе, и для менее известных мистических «приключений». По словам поэта и критика М. А. Дмитриева, эта книга «замечательна во многом для тех, которые верят, что есть связь этого мира с другим миром, которого мы не видим». Сборник «Некоторые любопытные приключения и сны» переиздается впервые.

НѢКОТОРЫЯ
ЛЮБОПЫТНЫЯ
ПРИКЛЮЧЕНІЯ И СНЫ,
ИЗЪ ДРЕВНИХЪ И НОВЫХЪ
ВРЕМЕНЪ.

Гораціо! Небо и земля заключающъ
въ себѣ болѣе, нежели сколько гре-
зился вамъ въ вашей Философіи.

Шекспиръ въ Гамлетѣ.

МОСКВА.
Въ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1829.

**НЕКОТОРЫЕ ЛЮБОПЫТНЫЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ И СНЫ**

К БЛАГОСКЛОННОМУ ЧИТАТЕЛЮ

Все сии приключения и сны взяты или из Истории, или из путешествий, или из повременных и других сочинений на Российском и иностранных языках, или же из достоверных отечественных преданий, устных и рукописных, как все это можно видеть из показания, при каждом приключении и каждом сне находящегося. Итак, они все почти были уже описаны частью и в нашем любезном Отечестве, частью же в других Государствах — только описаны в разные времена и в разных сочинениях, из которых многие, по давновременности своей, сделались уже чрезвычайно редки. Теперь они снова издаются на Российском языке, и притом все вместе — издаются в приятной надежде, что любопытный и размышляющий читатель, уделив на них час от своего досуга, прочтет оные с удовольствием, а может быть, и с пользою. По крайней мере, это есть искреннее желание при теперешнем издании их в печать.

К сказанному нужно, кажется, прибавить еще, что книжка сия не есть какое-либо философское сочинение; следовательно, не требует никаких доказательств к утверждению истинности своего содержания — не требует также и последовательного (хронологического) расположения своих предметов, ибо она есть простой только рассказ о приключениях, бывших, так сказать — наяву и во сне. Почему довольно того, если показаны в ней те источники, из коих она почерпнута — если сверх того сообщено и о побудительной причине и цели издания оной.

После сего каждый может думать и заключать об ней, что ему угодно; однакож каждый может и в том согласиться, что ему в жизни своей, конечно, не один раз случалось во многом разуверяться и — напротив, во многом удостоверяться; ибо с каждым из нас сбывается пословица: век живи, век учись!

П. И. К. . .

I

Четыре необыкновенных приключения, описанных Плинием младшим

Свобода от дел, пишет Плиний младший к другу своему Суре, доставляет досуг мне учиться, а тебе учить; почему я весьма желал бы знать, что ты думаешь о привидениях: действительно ли они бывают, имеют ли сами собственный свой образ — суть ли некие гении, или только пустые призраки, производимые устранным воображением нашим? Верить действительности их склоняет меня, во-первых, слышанный мною случай, приключившийся Курцию Руфу. Будучи еще небогат и незнатен, он находился в Африке, при управлявшем тогда сею провинциею. Однажды, когда он под вечер прохаживался в портике, является ему женщина, величины и красоты сверхъестественной; он испугался; но женщина сказала ему, что *она Африка и предвозвещает ему будущее: ибо он отправится в Рим, получит там почести и даже возвратится верховным правителем в сию же самую провинцию, где и кончит жизнь свою*. Все так и сбылось. Рассказывают сверх того, что когда он, пристав к Карфагену, сходил с корабля, встретился ему на берегу тот же самый образ; по крайней мере, то известно, что он, сделавшись болен и заключая, относительно себя, по прошедшему о будущем, по благополучию о предстоящем злополучии, отчаялся в своем выздоровлении, тогда как никто из близких к нему не терял еще надежды. — Но не ужаснее ли сего и не столь же ли удивительно то, что я теперь расскажу, как слышал? В Афинах был один большой и поместительный дом, о котором, однакож, носились худые слухи, и в котором невозможно было жить. Во время ночной тишины слышался там звук железа, а когда начинали прислушиваться, то становился слышен стук цепей сначала издали, а после вблизи; немедленно за тем являлось привидение в виде иссохшего и утрюмого старика; бо-

рода у него была длинная, волосы стояли дыбом; на ногах же и на руках висели цепи, которыми он, потрясая, гремел. По сей причине, живущие в доме проводили ночи без сна, в ужасном беспокойстве и страхе; за бессонницею следовала болезнь, а при увеличивающемся страхе, и самая смерть: ибо и днем — хотя привидение и не являлось — от воспоминания о нем образ его беспрестанно носился пред глазами и страх продолжался еще и тогда, как причины к оному уже не было. Почему дом был всеми покинут и пустой весь предоставлен оному страшилищу; однакож, выставлено было на нем объявление, в той надежде, что, может быть, кто-нибудь по незнанию о приключаемся в оном бедствии купит или наймет его. — Приезжает в Афины философ Атенодор, читает прибитое объявление, слышит о цене, находит дешевизну оной подозрительною, начинает расспрашивать о доме, узнает все, и тем не менее или, лучше сказать, тем охотнее нанимает его. Когда начало смеркаться, приказывает приготовить себе постель в передней части дома, принести писальные дощечки, железный грифель и свечу; отсылает домашних своих во внутренние покои, а сам садится писать и обращает на то всего себя: разум свой, глаза свои и руки, дабы праздное воображение не предавалось мечтам о слышанном привидении и пустому страху. Сначала наступило, как и в прочих местах, ночное безмолвие, потом начал слышаться звук железа, потрясение цепей. Атенодор не поднимает глаз, не оставляет грифеля, но укрепляет дух свой и соделывает из него как бы преграду для своего слуха. Тогда стук начал умножаться; стало слышно, что кто-то идет и уже как бы подходит — уже как бы входит в комнату. Атенодор оглядывается, видит и — узнает тот образ, о котором ему рассказывали. Привидение стояло и делало знаки пальцем, как бы призывая его; он, напротив того, делает ему знак рукою, чтобы немного погодило, и опять принимается писать на своих дощечках. Между тем, как он продолжал это, привидение начало греметь цепями над его головою; он опять оглядывается и видит, что оно делает ему те же знаки; тогда уже, не медля, Атенодор берет свечу и следует за ним. Привидение шло мед-

ленными шагами, как бы будучи отягчено оковами; вышед же на двор, вдруг исчезло и оставило сосупутника одного; он, видя себя оставленным, срывает травы и листьев и кладет на то место, чтобы оное заметить. На другой день является к городскому начальству и просит, чтобы повелено было разрыть оное место. Там нашли человеческие кости, опутанные и окованные цепями, оставшиеся, по нетлении тела, голыми и изъеденными от оков. Их собрали вместе и похоронили на иждивении города; а в доме, после того как отдан был последний долг тому старику, привидение перестало являться. Сим обоим приключениям верю я по словам других; но в следующем сам могу других удостоверить. У меня есть отпущенник, человек довольно образованный, Однажды меньшей его брат спал с ним на одной постели. Ему привиделось, что кто-то сидит на кровати, подносит к голове его ножницы и с самого темени стрижет ему волосы. Когда рассвело, то увидели, что он действительно около темени острижен, а волосы лежат на полу. Прошло несколько времени, и опять другим подобным приключением подтвердилось предыдущее. Мальчик, мне принадлежащий, в училище спал в одной комнате со многими другими; вошли в окна (так рассказывает он) два человека в белых одеждах, и его лежащего остригли; после чего удалились тем же путем, которым пришли. По наступлении дня оказался и он остриженным, а волосы были рассеяны вокруг него. Не последовало, однакож, ничего замечательного, разве только то, что я не подвергся обвинению, тогда как непременно сбылось бы это со мною, если б Домициан, в царствование которого вышесказанное случилось, прожил долее: ибо в его бумагах найден был поданный на меня от Кара донос. По сему можно догадываться, что, так как обвиненные обыкновенно отпускают волосы, то острижение волос у принадлежавших мне людей означало отвращение угрожавшей мне опасности. — Итак, прошу тебя, употреби всю свою ученость на исследование сего предмета, который заслуживает, чтобы ты обратил на него продолжительное и прилежное размышление, а притом и я заслуживаю, чтобы ты уделил мне от своих познаний. Впрочем,

желательно мне, чтобы ты, приводя, по обыкновению своему, доказательства и в подтверждение и в опровержение сего, придержался которых-нибудь более, дабы не оставить меня в сомнении и нерешимости; ибо я для того и спрашиваю твоего мнения, чтобы перестать сомневаться. Прощай.

См. Кн. VII, пис. XXVII.

II

Видение, бывшее Марку Бруту, сперва пред разбитием его войска, а потом пред его смертью

Известно, что Брут по природе был весьма деятелен: днем он никогда не отдыхал, а ночью спал тогда только, когда или не имел никакого дела, или не с кем уже было говорить ему. — Пред переправою своею, вместе с Кассием, из Азии в Европу против неприятелей, Антония и Октавия, он, с вечера подремав несколько, всю остальную часть ночи провел в занятии подлежащими ему делами и раздавали приказов сотникам и тысячникам. Шатер его был освещен слабым токмо светом; в стане войска господствовала глубокая тишина. Брут сидел один, погруженный в задумчивость и рассуждая сам с собою. Вдруг слышится ему, что кто-то вошел: он оглядывается на дверь, и — видит ужасный призрак с чудовищным телом, стоящий пред ним в молчании. Брут осмеливается спросить его: «Кто ты, бог или человек; и зачем пришел ко мне?» Призрак отвечает ему: «Я злой гений твой; и ты увидишься со мною в Филиппах». — «Увижусь!» сказал Брут, нимало не смутившись. После того привидение исчезло; а Брут, призвав к себе служителей, осведомлялся от них о сем приключении и узнал,

что они никого не видели и ничего не слышали. — Когда Брут готовился дать вторичное сражение неприятелю, которое в то же время было и последнее, призрак оный, как говорят, действительно явился ему опять ночью в Филиппах; но, не сказав ни слова, тотчас исчез.

См. Плут. в жизнеоп. Брут. и Юлия Кесар.

III

Юлий Кесарь чудесным образом одушевляется к решимости, и извещается о смерти своей

Когда Юлий Кесарь, отправившись с войском своим из Галлии против Помпея, прибыл к Рубикону, служившему последнею границею вверенной ему провинции, то, остановясь на несколько минут при реке сей, размышляя сам в себе о важности своего предприятия, и был как бы в недоумении, что ему делать. Тогда вдруг видит он, что кто-то, необыкновенно прекрасного вида и высокого стана, играет у реки на тростниковой свирели. Не только пастухи страны той, но даже некоторые из воинов, стоявших на страже, оставили места свои и подошли ближе, чтобы лучше слышать восхитительную игру сего призрака, который, выхватив тогда у одного воина трубу и проиграв на ней весьма громкими звуками поход, тотчас бросился в реку и переплыл ее. За сим Кесарь немедленно вскричал: «*Жребий вынут! пойдём туда, куда призывает нас воля богов и злоба наших неприятелей!*» — Многие писатели уверяют, что полководец сей был также чудесным образом предуведомлен о насильственной смерти, каковую понес он от Брута и Кассия. В тот самый день Кесарь, принося жертву, сам видел, что закланное животное было без сердца, и из сего необыкновенного случая не мог уже ничего благоприятного

заклЮчить для себя. Сверх того, некто еще заблаговременно предсказал ему, что 15 Марта для него пагубно, и что ему должно крайне опасаться одного дня. Предсказание это тем разительнее, что, когда Кесарь, идучи уже того числа в Сенат, встретил предсказателя и, желая подшутить над ним, сказал ему: «*Предсказанный день пришел*», последний отвечал весьма спокойно: «*Да, пришел; но еще не прошел!*» и ответ сей не замедлил исполниться: ибо известно, что Кесарь убит был тот же день в полном Сенате.

См. Свет. и Плут. в жизнеоп. Юл. Кесар.

IV

Раскаяние вольнодумца после смерти его

Благочестивый Г. Мюральт, в письмах своих об Англичанах и Французах, говоря о вольнодумцах (*esprits forts*), повествует, что однажды — когда он, ходя по лесу, размышлял о том, какой участи после смерти подвергнутся не веровавшие в Бога — вдруг явился ему, среди дня, дух в виде человека с двумя рогами и козлиными ногами, с палкою в руке, с широким ртом и страшным печальным лицом; из глаз у него текли слезы. Он сказал: «Мы, называемые вольнодумцами, не имели иной цели, кроме похвалы себе от других; в таком состоянии и я умер. Полагав, что смерть уничтожит бытие мое, как удивился я после смерти, когда почувствовал себя живым. Теперь всякая похвала мне есть стрела, пронзающая душу мою. Я с ужасом ожидаю будущего суда. Помощь, о которой я прошу тебя, состоит в том, чтоб ты опровергал все вредные учения, распространенные мною в свете. Ибо, когда благочестивые люди порицают нас и опровергают, то это служит бальзамом для наших ран. Чтобы опровергнуть нас, потребна только простая

истина, которая гораздо сильнее всего, что можно возразить против ее: ибо все познания вольнодумцев состоят в одних только слабостях и заблуждениях, О ! если бы могли мы возвратиться в прежнюю жизнь, чтобы вывести чело-веков из их заблуждений! Но ах! это уже невозможно. Живущим еще на земле предоставляется доказывать людям, сколь вредно все то, что возражают против чистой истины. Посмотри, в каком виде я тебе явился. Сей вид показывает тебе более, нежели я сказать могу, каковы были все мои поступки в прежней жизни, Я оплакиваю несчастье тех людей, кои льстящий им разум предпочитают совести, чрез которую Бог говорит к ним. Они заглушают глас сей совести, не ведая, что та же самая совесть есть истинный Судия их. Смерть предает их сей совести, как врагу освобожденному и ожесточенному против них. Она, дабы наказать их жесточе, соделывает их врагами самих себя. Ах, почему не можем мы более убеждать и поощрять человеков к простоте сердца и вере в Бога! — Мы находимся теперь в обществе подобных себе; но сколько мы были единомышленны между собою в прежней жизни, столько же ныне мы несогласны друг с другом. Люди жестоко мучатся злыми склонностями, которые они переносят с собою в вечность; и в таком состоянии ожидают они будущего суда. Совесть их, которая заранее уже их обвиняет, и которой укоризны они принуждены теперь слышать, потому что не могут уже никакими чувственными наслаждениями заглушить ее — сия совесть представляет им пред глаза тот приговор, который над ними произнесен. Ибо человек должен будет дать отчет во всем, даже в самомалейших обстоятельствах своей жизни, и за все понесет адские наказания. Вся возможная точность и соразмерность между соделанным злом и заслуженным наказанием соблюдена будет так, что все твари изумятся тому! . . .»

См. Эшинг. *Солом. нравоуч. сравненное с учением Иис. Хр.*

V

Необыкновенное извещение о смерти одного Англичанина

Выписка из журнала корабля Сфинкса в 1686 году, на Средиземном море.

«12 Мая. По прибытии нашем в гавань Мансонскую, на-шли мы там три корабля, под начальством Капитанов Бри-столя, Брауна и Борнаби, назначенные для отъезда к Ли-парским островам*, дабы там нагрузить оные товарами».

«13 Мая. Сии три корабля отплыли вместе с кораблем Сфинксом к острову Липари, и стали на якорях в воде на 12 саженей глубины».

«14 Мая. Все четыре Капитана и один купец Белль вы-шли на берег острова Стромболи, для стрельяния кроли-ков. В три часа пополудни созвали они своих людей, чтобы возвратиться на свои корабли; но как они удивились, ко-гда увидели двух человек, которые весьма быстро неслись к ним по воздуху, один в черном платье, а другой в сером. Они мимо них промчались весьма скоро и, к величайшему их изумлению, спустились среди горящего пламени в безд-ну ужасного вулкана Стромболи.

Между тем, как они погружались в сию бездну, слышан был ужасный шум. Пламя отчасу страшнее возносилось квер-ху. Тут Капитал Борнаби вскричал: “Боже милосердый! Пер-вый из двух, в черном платье, есть старик Боти, мой сосед в Уаппинге; другого же я не знаю”. После того Капитан тре-бовал, чтоб все его товарищи записали в своих карманных

* Известно, что сии острова лежат к Северу от Сицилии пред Неапо-лем. Стромболи, один из сих островов, лежащий к самому Северу, имеет огнедышащую гору.

книжках то, что они видели. Три Капитана и Г-н Белль тотчас это исполнили; а из их книжек внесено было в журналы всех кораблей».

«Помянутые четыре корабля, нагрузившись в Липари, отправились вместе в Лондон.

Когда они по Темзе приплыли к Гревсанду, то жена Капитана Борнаби приехала к нему из Лондона. Он послал к прочим трем Капитанам, прося их, чтоб они приехали к нему на корабль поздравить его с приездом его жены. Таким образом они все сошлись и разговаривали между собою несколько времени в каюте, но вдруг Мистрес Борнаби, встав со стула, говорит своему мужу: “Друг мой! знаешь ли, какую повесть я тебе скажу! Старый наш Боти умер!” Капитан, к величайшему ее удивлению, немедленно отвечал: “Мы все видели, как он спустился в ад!” —

Мистрес Борнаби, возвратившись в Лондон, пошла к одной своей приятельнице и рассказала ей сие ужасное приключение, а именно: что муж ее сам видел душу Боти, спускавшуюся в ад, 14 го числа прошедшего Мая.

Сия приятельница рассказала о том жене покойного Боти; а она тотчас явилась в суд **King's Bench**, и жаловалась на Капитана Борнаби, требуя взыскать с него 1000 фунтов стер. пени за то, что он обесчестил душу ее покойного мужа. Капитан Борнаби представил порук, что он непременно явится в суд. Суд **King's Bench** в Вестминстерголле велел также призвать всех, находившихся при последней болезни и смерти Г-на Боти, вместе с могильщиком, зарывавшим его тело; даже самое платье, которое покойный носил к болезни своей, было представлено.

В назначенный для решения тяжбы день явились вышеупомянутые люди с черным платьем в суд, равно и Капитан Борнаби, Капитаны трех прочих кораблей, служители четырех ботов и Г. Белль, которые все были на вышеописанном острове Стромболи и видели, как оба привидения спустились 14-го Мая в горящее пламя.

Десять человек, бывшие в ботах, дали присягу, что пуговицы на кафтане, в который одето было привидение, были точно такие, как те, кои находились на вышеозначенном

кафтани покойника, а именно, обтянутые таким же черным сукном, из какого был кафтан.

Люди, бывшие при смерти Г. Боти, дали присягу, что он скончался в 3 часа пополудни 14-го Мая 1636 года.

Присяжные спрашивали Капитана корабля Сфинкса, знал ли он Боти во время его жизни. Он отвечал, что при жизни его никогда его не видал, но весьма хорошо заметил платье того привидения, о котором Г-н Борнаби сказал, что это Боти.

Тогда судья вскричал: “Не дай Бог мне самому никогда видеть такого явления, какое вы видели; но мне кажется невозможным, чтобы тридцать человек ошиблись”.

Присяжные изрекли, мнение свое против вдовы Боти, как доносившей, и осудили ее на заплату издержек и пр.»

Сие происшествие выписано из журнала путешествия корабля Сфинкса по Средиземному морю в 1686 году.

Все производство дела находится в протоколе присутственного места в Вестминстерголле.

Сей протокол написан по-латыни на пергаменте старым нотариальным или скорописным письмом и хранится в столе письмоводителя за стеклом, где оный протокол можно всегда видеть, заплатя один шиллинг.

См. Историч. и Статист. Журнал 1811 года,
часть 3, книжку 2, мес. Август.

VI

Подобное же извещение о смерти одного Итальянца

Сар Джон Гресгам, брат Сара Томаса Гресгама, построившего в Лондоне так называемую Королевскую биржу, принимал, в царствование Короля Джемса (Якова) II, путешествие по Средиземному морю. Когда он с 8-ю человека-

ми взошел на гору Стромболи, пламя изрыгающую, то услышал голос, раздававшийся из пропасти: «Посторонитесь! вот идет сюда богач Антонио».

Сар Джон, прибывши с своими людьми на остров Сицилию, услышал, что некто Г. Антонио, первый богач в сей стране, умер в самое то время, как он находился на огнедышащей горе и слышал упомянутые слова, раздававшиеся из пропасти.

Сар Джон, по возвращении в Лондон с своими осьмью спутниками, подтвердил истину сего приключения присягою пред Королем Джемсом IX.

См. там же.

VII

Любопытное свидание Английского Резидента в Бассоре с одним Арабом

За несколько дней перед моим приездом в Басру (или Бассору), Г-н Колькьюоун (Colquhoun), Действительный Резидент Англии в сем городе, получил от одного Арабского философа письмецо, в котором он просил его доставить ему с собою свидание наедине, потому что имеет сообщить ему важную тайну. Г-н Колькьюоун согласился на предложение, и в следующий же день поутру был допущен к нему сей таинственный иноземец, который, бросившись к коленам Резидента и обняв их, сказал ему, что он прибегает к покровительству Англичан, чтобы укрыться от бесчеловеч-

ных и непрестанных преследований со стороны своих соотечественников: ибо они, узнав, что он умеет превращать самые низкие металлы в золото, хотят подвергнуть его пытке, дабы таким образом вымучить из него тайну сию. Он прибавил к тому, что, воспользовавшись удобным случаем, бежал из Грена, где, по приказанию тамошнего Шейка, содержался долгое время в тюрьме скованный, и что если Г. Колькюгоун позволит ему остаться в Фактории (Индийской купеческой конторе), то он откроет ему свое таинство. Приятель мой обещался дать ему у себя прибежище; Араб же с своей стороны обещался ему показать опыт своего искусства в сем роде. После сего он ушел, но вскоре возвратился, принеся с собою небольшой плавленный горшок и горящие уголья. Когда же горшок достаточно нагрет был, тогда Араб, вынув из кармана четыре маленьких порошка беловатого цвета, завернутые в четырех бумажках, попросил у Г. Колькюгоуна кусочек свинца. Приятель мой пошел в свой писальный столик и, нашед там четыре пистолетных пули, свесил их, не сказав, однакож, веса или тяжести оных сему алхимику, который положил их вместе с порошком в горшок; и все в скором времени растопилось. Спустя двадцать минут, Араб попросил Г-на Колькюгоуна снять плавленный горшок с жару и выставить на воздух, чтобы дать ему остынуть. Потом масса была Г-м Колькюгоуном вынута из горшка и найдена превращенною в кусок настоящего, самого чистого золота, которого вес почти равнялся весу упомянутых четырех пуль. Кусок сей был оценен на тамошнем базаре в 90 пиастров. Невозможно, чтобы Араб каким-либо образом обманул Г-на Резидента: ибо, как только горшок поставлен был на жар, он до него не дотрагивался; а притом непонятно и то, с каким бы намерением бедный Араб решился сделать Английскому дворянину подарок в 90 пиастров. Г. Колькюгоун просил его опять прийти к нему завтрашний день; но в ту же ночь он был схвачен Гренским Шейком. Сей последний, с помощью многих вооруженных людей, разломал двери дома его и увез его к себе на морском судне, которое сокрылось уже из виду, когда солнце показалось на небосклоне. — Мы не

можем утвердительно сказать, что сей несчастный знал тайну златоделания; однакож ожесточение, каковое видно в преследовании его со стороны одноземцев, весьма убеждает думать, что он действительно до открытия сей тайны достигнул. —

См. прим. в путешествии по Малой Азии, Армении и Курдистану в 1313 и 1314 годах и проч. Джона Макдональда Киннира, переведенном на Франц. язык Н. Перреном в 1818-м году.

VIII

Примирение одного Немецкого Герцога с своею супругою, по смерти их

Княжество Саксен-Альтесбургское, под конец семнадцатого столетия, было разделено на три части, из которых одна принадлежала к Готе, другая к Заальфельду, а третья, и именно Эйзенберг, получила своего собственного Государя коего поколение, впрочем, с кончиною Герцога Христиана, последовавшею в 1707 году, пресеклось; после чего и Эйзенберг опять присоединен был к Готе. — Сей-то Герцог Христиан незадолго до своей смерти имел достопамятнейшее видение, которое носит на себе все признаки исторической истины. — По крайней мере, описание сего происшествия было сохраняемо в одной Саксонской архиве, и вероятно, еще и теперь можно отыскать его.

В 1705 году случилось, что когда Герцог Саксен-Эйзенбергский Христиан, после обеда, лег в постелью для отдохновения и был погружен в различные духовные размышления, некто постучался в двери кабинета. Хотя Герцогу непонятно было, как это могло случиться, потому что стража и служители его находились в ближайшей комнате, однакож он закричал: войди сюда! — Тогда женщина по име-

ни Анна, дочь Курфирста Саксонского, в древнем Княжеском одеянии, вошла в кабинет. Герцог, объятый некоторым страхом, приподнявшись, спросил ее, чего она от него хочет. Она отвечала: «Не бойся! я не злой дух: с тобою ничего худого не случится!» — После сего вдруг исчез весь страх в Герцoge, так что он еще спросил ее, кто она такова. — Она сказала ему в ответ: «Я одна из твоих предков, и мой муж был тем, что ты теперь, а именно, он был Герцог Иоанн Казимир Саксен-Кобургский; но уже сто лет тому, как мы умерли». — Когда Герцог далее спросил, какое она имеет до него дело, то она изъяснилась следующим образом: «Я имею до тебя просьбу, которая состоит в том, чтобы ты в сие, от Бога назначенное время примирил меня с моим мужем, ибо мы умерли, не примирившись в некотором между собою раздоре, хотя, впрочем, оба умерли с упованием на заслуги Иисуса Христа. Я хотя уже блаженна, однако не наслаждаюсь еще вполне лицезрением Божиим, а нахожусь доселе только в тихом-приятном покое. Муж же мой, который при смерти моей не хотел со мною примириться, но после о сем раскаивался, и с истинною, хотя слабою, верою во Иисуса Христа оставил мир сей, находится доселе между временностью и верностью во мраке и холоде, впрочем, не без надежды получить некогда блаженство». — Герцог делал много возражений против сего предложения; но дух все оные опровергал, как ничего не значащие и к сему делу нимало не относящиеся. Дух сей присовокупил: «Я, по вступлении своем в вечность, вскоре узнала, что один из наших потомков предназначен примирить нас обоих, и еще более обрадовалась, узнав, что именно ты, Герцог, предопределен быть в сем деле орудием Божиим». — После того дух сказал, что он даст Герцогу восемь дней на размышление о сем, по прошествии которых он в тот же час опять явится, чтоб узнать его мысли. С сими словами дух исчез в его глазах.

Герцог находился тогда в тесном дружестве с одним богословом, жившим от него в 14 милях, а именно с Суперинтендентом Торгауским Гофкунценом; он вел с ним беспрерывную чрез нарочных переписку касательно духовных, светских, философских и даже до правительства относящихся

предметов. Тотчас отправил он к сему ученому мужу курьера, описал ему со всеми обстоятельствами виденное им явление и просил его совета и мнения, согласиться ли ему на предложение духа, или нет. — Богослову сначала сие дело показалось подозрительным, и, как обыкновенно, он почел это за сновидение, так что вдруг не мог ни на что решиться. Но, приняв в рассуждение особенное благочестие Герцога, его великие познания, опытность в духовных вещах и его добросовестность — размыслив притом, что дух явился днем, при солнечном сиянии, не усомнился дать Герцогу следующий ответ: «Если дух ничего не требовал от вас суеверного, ничего противного Слову Божию, и вы чувствуете довольно мужества к исполнению такового требования, то я не могу отсоветовать вам удовлетворить просьбе его. Впрочем, вы должны пребывать в благоговейной молитве и, для отвращения всякого обмана, приказать страже и служителям своим строго охранять вход ваших палат и кабинета». Между тем, Герцог приказал также выправиться в летописях и нашел, что все сказанное духом было согласнo с истиною; даже платье погребенной Герцогини и платье являвшегося ему духа были совершенно одинаковы.

Когда приближался назначенный час, то Герцог, отдавши страже строгое повеление не впускать к нему в кабинет ни одного человека, лег в постель; и как он тот день начал молитвою, постом и песнопением, то и ожидал духа, читая непрерывно Библию. Дух точно в тот же час, как и за восемь пред тем дней, постучал в двери кабинета, и на голос Герцога: *войди сюда!* в прежнем одеянии вошел в кабинет. Он спросил Герцога, решился ли он удовлетворить их желание. — Тогда Герцог отвечал: «Если ваше желание не противно Слову Божию и не содержит в себе ничего суеверного, то я, во имя Господа, готов исполнить это, только наперед объясните мне, как я при сем подступить должен». — На сии слова дух отвечал: «Это не противно Слову Божию, и все дело состоит в следующем: мой супруг имел на меня несправедливое подозрение в неверности, потому что я с одним благочестивым светским человеком по временам тайно беседовала о духовных вещах. — По сей причи-

не он восчувствовал ко мне непримиримую ненависть, которая столь была сильна, что, хотя я достаточно доказала ему свою невинность, даже на смертном одре просила его примириться со мною, но он не захотел ни своей ненависти и подозрения оставить, ни прийти ко мне проститься. Поелику же я, с своей стороны, все то сделала, что только могла, то и умерла с истинным упованием на моего Искупителя, и достигла вечного покоя и тишины; со всем тем, я не наслаждаюсь еще в полноте лицезрением Божиим. Напротив того, муж мой, как я уже сказала, хотя раскаялся по смерти моей в своей непримиримости со мною и наконец умер также с истинною верою, но, несмотря на то, доселе еще находится между временностью и вечностью, в скорби, хладе и мраке. Ныне наступило от Бога предназначенное время, в которое ты должен нас здесь, в сем мире, примирить и чрез то споспешествовать к нашему совершенному блаженству». — «Что же я должен сделать и как поступить при этом?» спросил Герцог; на что получил от духа следующий ответ: «В будущую ночь будь в готовности; я и муж мой придем к тебе, ибо, хотя я прихожу и днем, но он днем приходить не может; каждый из нас должен рассказать тебе о причинах существующего между нами несогласия, и тогда ты произнесешь приговор, кто из нас прав; в знак примирения соединишь наши руки, произнесешь над нами благословение Господне и потом вместе с нами восхвалишь Бога». —

После того, как Герцог обещался все это исполнить, дух исчез, а он пребыл в молитве до самого вечера. Тогда строжайше приказал своим стражам, чтобы они ни одного человека не впускали в кабинет, и чтоб были внимательны, не услышат ли кого говорящего. Потом велел зажечь две восковых свечи, а также принести Библию и молитвенник, и таким образом ожидал он явления духов. Они после одиннадцати часов действительно были уже у кабинета. Герцогиня, как и прежде, вошла с веселым видом и рассказала еще раз причину их раздора. Затем вошел и дух Герцога в обыкновенной княжеской одежде, но совершенно бледный, подобно мертвецу, и объяснил Герцогу их несогласие сов-

сем иначе. Герцог, выслушав его, решил, что дух Князя не прав, каковое решение и сам он подтвердил, сказав: «Ты рассудил справедливо!» — Потом Герцог взял оледенелую руку Князя, сложил ее с рукою Княгини, которая имела натуральную теплоту, и произнес над ними благословение Господне; на что они оба ответствовали ему: *аминь!* — Тогда Герцог воспел: *Тебе Бога хвалим!* — и ему казалось, будто бы он действительно слышал их обоих, вместе с ним поющих. — По окончании сей песни, Княгиня сказала Герцогу: «Награду за сие получишь ты от Бога, и скоро будешь вместе с нами». — После того они оба исчезли. — Из сего разговора стражи ничего не слышали, кроме слов Герцога, который, спустя после того год и несколько месяцев, умер; и, по неизвестным причинам, приказал похоронить себя в негашеной извести.

См. Ежемесячн. разг. о царств. духов.

IX

Явление умершей Графини Штейнбок при гробе Шведской Королевы Ульрики

Явление, которое мы вкратце здесь сообщаем, тем достопримечательнее по своим обстоятельствам, что оно случилось среди белого дня, утверждено показаниями многих свидетелей из просвещенной публики, хранящимися в Стокгольмском Государственном Архиве. — Когда Королева Шведская Ульрика, во время пребывания своего в дворцовом замке, скончалась, то, по обычаю, тело покойной поставлено было в открытом гробе, на возвышенном катафалке, в комнате, обитой черным сукном и многими восковыми свечами освещенной; отряд же Королевской Лейб-гвардии, для почетной стражи., занял место в передней комнате. По полудни подъехала к крыльцу карета первой придворной да-

мы и наперсницы Королевиной, Графини Штейнбок из Стокгольма; начальник стражи вышел к ней навстречу, принял ее из кареты и повел в траурную комнату, которой дверь заперла она за собою. Глубокое молчание Графини приписано было живому чувству скорби, и офицеры стражи оставили ее на долгое время одну в комнате, дабы своим присутствием не нарушить свободных излияний ее сердца. Но когда она возвращением своим весьма долго медлила, то, опасаясь, не приключилось ли с нею какого-либо несчастья, Капитан гвардии отворил дверь, и вдруг с крайним ужасом отскочил назад. Тут прибежали все находившиеся там офицеры, и сквозь отворенную дверь ясно увидели, что покойная Королева, стоя прямо в своем гробу, с сердечным чувством обнимала Графиню Штейнбок. Явление казалось находившимся в колебании, и вскоре потом превратилось в густой дым или туман; когда же оный исчез, то тело Королевы покойно лежало в прежнем положении на парадном одре, а Графини Штейнбок не было уже видно. Тщетно искали ее в прикосновенных комнатах и, думая, что она, может быть, вышла побегать вниз посмотреть карету, но и сей кареты с лошадьми, кучером и служителями нигде отыскать не могли. Тогда с поспешностью послан был курьер с известием о сем чрезвычайном происшествии в Стокгольм и там узнали, что Графиня Штейнбок не выезжала из столицы, а умерла в ту самую минуту, когда видели ее в объятиях Королевы. О сем событии составлен был обстоятельный протокол и подписан всеми, бывшими при оном. При сем же протоколе находилось еще особенное показание Капитана относительно важной тайны, вверенной ему покойною Графинею при самом еще входе ее в комнату.

См. Майскую книжку Историч. и
Статист. Журнала 1815 года.

Х

Поземельная работа и музыка, слышанные в пустых шахтах близ Екатеринбурга

Артиллерии Генерал-Майор Де Генин пишет следующее к Г-ну Ушакову, Кабинет-Секретарю Императора Петра I-го:

«Из Екатеринбурга мы поехали на Уктус, где также непрестанно плавится медь в одной печи. С Уктуса поехали вместе с Берг-Советником на *Полевую* в Башкирские горы, где, с помощью Божиею, открыл я руду, чем, надеюсь, можно будет вознаградить весь убыток по горным делам и заводскому строению. Советник удивился, смотря на такие богатые гнезда руды, где ныне, вместо берггауеров, непрестанно работают сто человек солдат. По возвращении нашем в Екатеринбург, явилось некоторое непонятное чудо, которое, однако, все Шведы и Русские ясно слышали, и которое для любопытства объявляю Государю и вам. На *Гумешевском* и близ *Полевой* делал я две шахты, которые ныне 8 сажен глубиною; от шахты до другой велел прокопать ход; и когда все солдаты вышли обедать, то без них там началась работа, столь громкая, как будто бы многие работали. Солдаты, удивляясь этому, стали делать переключку, чтобы узнать, все ли вышли, и не нашлось никого оставшегося под землею. Они стали сверху смотреть и кричать: кто работает? Но никто им не отвечал, а работать не переставали. Наконец они сами спустились и также никого в шахте не нашли. — Другое чудо: в Санкт-Петер-шахте на *Полевой* работали три Шведа; они на дне ломали руду, а наверху стояли два Русские солдата, которые подымали руду воротом в ушатах. В та самое время ясно услышана была музыка, как будто бы от трех скрыпок; и Шведы начали взглядывать друг на друга, удивляясь, откуда эта музыка, и кто играет? Один из них кричал стоявшим у ворота солдатам: кто играет? — есть ли у вас музыка? — Но те отвечали, что ничего не знают и не слыхали. И подлинно, из живущих на По-

левой, ни у кого нет скрипки и никто не умеет играть. Шведы продолжали слушать, и она музыка стала слышаться будто сквозь стену, где и ямы совсем нет. Я рассказал об этом чуде Берг-Советнику и иностранцу Георгию Штейгеру, уроженцу из Саксонии. Они отвечали мне, что бывала такая работа без людей и в Саксонии, и что там часто почитают оную за предвещание успеха в рудопроизводстве. Хотя я Голландского вероисповедания и до сего времени не верил, что такие чудеса могут происходить под землею, однакож ныне принужден верить, потому что много тому свидетелей.

См. письма артиллерии Генерал-Майора де Генина к Императору Петру I-му, напечатанные в Духе Журналов 1817 года, No. 13.

XI

*Сновидение Сципиона**

Когда я прибыл в Африку к М. Манилию в четвертый легион в качестве Трибуна военного, то ничего для меня важнее не было, как посетить Царя Масиниссу**, который, по справедливым причинам, был величайшим другом нашей Фамелии. Как скоро я к нему пришел, то он обнял меня, заплакал и, взглянув на небо, сказал: «Благодарю тебя, высочайшее солнце, и вас, прочие светила, за то, что еще до переселения моего из сей жизни вижу я в моем царстве и в моих чертогах П. Корнелия Сципиона, коего одно имя для

* Сципион, рассказывающий сие сновидение, был сын Павла Эмилия. Но поелику здесь беспрестанно упоминается и о другом Сципионе, то для различия первый называется просто Сципионом, а второй Сципионом Африканским, хотя, впрочем, оба они были прозваны Африканскими.

** Он был Царем Нумидийским.

меня восхитительно». Так, никогда не истребится из сердца моего память о сем добродетельнейшем и непобедимейшем муже. — После сего я предлагал ему вопросы о его царстве, а он расспрашивал меня о нашей Республике; и в разговорах о многих предметах прошел весь тот день. Потом за ужином, с царскою пышностью приготовленным, продолжали мы разговаривать до глубокой ночи. Старик ни об чем более не говорил, как о Сципионе Африканском. Он помнил не только все его деяния, но даже слова. Наконец, когда мы пошли спать, то я, от усталости после дороги и от бодрствования до глубокой ночи заснул крепче обыкновенного.

Во сне явился мне Сципион Африканский* (я думаю потому, что мы о нем говорили: ибо обыкновенно случается, что наши помыслы и речи по время сна рождают нечто такое, что Энний пишет о Гомере, о котором он весьма часто наяву думал и говорил) в том виде, который был мне известен более по его изображению, нежели каким я его самого видал. Узнав его, я объят был страхом. Но он мне сказал: «Сохрани присутствие духа, Сципион, отложи страх и удержи в памяти то, что я тебе стану говорить. Видишь ли ты сей город, который, будучи мною принужден покориться народу Римскому, опять возобновляет войну и не может быть спокоен? (Он при сем указывал на Карфаген с некоего высокого, исполненного звезд, славного и светлого места.) Город, который ты теперь, будучи еще простым почти воином, осаждать пришел — город сей ты, сделавшись Консулом, разрушишь в продолжение сего двухлетия, и чрез

* Это тот Сципион, который, после многих подвигов, перенес войну в Африку, победил Аздубала и Аннибала и принудил Карфаген просить мира, за что и был прозван Африканским. Ему первому из Римлян дано сие прозвание за его завоевания. Но, впоследствии времени, многие другие военачальники, не имевшие ни достоинств, ни заслуг Сципионовых, получали подобные прозвания. Почему здесь сей только Сципион и называется Африканским, для отличия от другого Сципиона, рассказывающего сие сновидение.

то сам заслужишь прозвание, полученное тобою от меня по наследству. По разрушении Карфагена, ты будешь почтен триумфом, будешь сделан Ценсором, будешь послан в Египет, Сирию, Азию, Грецию и в отсутствие твое* избран в Консулы; ты совершишь великую войну и разоришь Нуманию. Но когда тебя на колеснице повезут в Капитолий, то ты найдешь Республику, возмущаемую подстреканиями внука моего**. Здесь ты, Сципион, должен будешь явить пред отечеством силу мужества, дарований и благоразумия своего. Но я вижу, так сказать, двоякую судьбу того времени; ибо, когда в жизни твоей совершится восемью семь обращений солнечных***, и когда сии числа, из коих каждое, по своей причине, почитается полным, составят естественным кругообращением роковую для тебя сумму, тогда на тебя одного и на твое имя обратит взоры свой весь город; на тебя Сенат, на тебя все добрые граждане, на тебя Союзники и вся Италия взирать будут; на тебе едином утверждаться будет спасение Рима; кратко сказать, ты, получив Диктаторское достоинство, должен будешь привести в порядок Республику, если только сам избежнешь злодейской руки своих родственников.

Но дабы ты с большим усердием защищал Республику, то знай, что для всех тех, которые охраняли отечество, воспомоществовали ему и умножали силу оно, назначено на небе известное и определенное место, где они блаженною вечностью наслаждаются. Ибо для верховного Бога, вселен-

* Это не то значит, что его в то время действительно в Риме не было, но только то, что он не являлся на Марсовом поле в белой одежде, по обычаю ищущих Консульского достоинства, как бы находясь в отсутствии.

** Тиверия Гракха, который, будучи Трибуном, возмущал народ против Сената. Мать его была дочь Сципиона Старшего, славная Корнелия, которая, по разуму своему, была украшением своего века, а по добродетели — славою своего пола.

*** Пятьдесят шесть лет. Он действительно на сем году умер, будучи отравлен, как сказывают, женою своею, сестрою Тиверия Гракха.

ною правящего, изо всего, что на земле происходит, нет ничего приятнее, как общества и собрания людей, законом между собою соединенные, городами именуемые, коих Правители и Охранители, отсюда посылаемые, сюда же и возвращаются». При сих словах, хотя я устрасился не столько смерти, сколько вероломства моих родственников, однако же спросил его: жив ли отец мой Павел* и все прочие, коих мы почитаем умершими. «Без сомнения, отвечал он, ибо тех токмо и должно почитать живыми, которые из телесных уз, как бы из темницы, освободились. А напротив, ваша так называемая жизнь есть смерть. Но посмотри: вот и Павел, отец твой, идет к тебе». — Когда я увидел его, то весь залился слезами. Он же, обнимая и целуя меня, сказал: «Не плачь!». Как скоро я перестал плакать и мог уже говорить, то спросил его: «Скажи мне, возлюбленный родитель мой, если только ваша жизнь есть истинная жизнь, как говорил Сципион Африканский, то для чего же оставаться мне на земле — для чего не спешить присоединиться к вам?». «Нет, возразил он, доколе сам Бог, коего храм есть все, тобою зримое, не освободит тебя от сих уз тела, дотоле ты не можешь войти сюда. Ибо люди рождаются с тою обязанностью, дабы охранять шар, в середине сего храма тобою видимый и землею называемый. Им сообщен дух из оных вечных огней, которые вы называете светилами и звездами, которые, будучи круглы и шаровидны, одушевляются божественными умными силами и с чудесною быстротою совершают свои кругообращения. Почему тебе, Публий, и всем богобоязливым людям должно сохранять дух свой в теле, и без повеления Того, Кто даровал вам оный, не выходить из смертной жизни и не уклоняться от обязанности, Богом человеку назначенной.

А ты, Сципион, должен подражать твоему деду и мне, твоему родителю, в справедливости и любви. Хотя же лю-

* Павел Эмилий, прозванный Македонским за то, что он победил Персея, Царя Македонского, и царство его сделал провинцией народа Римского.

бовь к родителям и родственникам важна, но еще важнее любовь к отечеству. Жизнь, таким образом провождаемая, есть путь, ведущий к небу и в общество тех, кои прежде жили и кои ныне, оставив тело, обитают в сем месте, тобою видимом». Место сие был оный круг, который чистейшею белизною между прочими светилами блистает, и который называется от Греков заимствованным именем *Млечного пути*. Когда я рассматривал весь мир с сего места, то все прочее представлялось мне в прекрасном и чудесном виде. Я видел оттуда звезды, которых никогда отсюда мы видеть не можем, и они все имели такую величину, какой мы никогда не предполагали. Самая малейшая из них, отдаленнейшая от неба, а ближайшая к земле, светила чужим светом. Шары звезд весьма много превосходили величину земли. Сама же земля была в глазах моих столь мала, что Государство наше, занимавшее на ней как бы одну точку, казалось мне жалким.

Когда я пристально смотрел на оную, то Сципион Африканский сказал мне: «Доколе дух твой прикован будет к земле? Разке не видишь, в какие храмы ты вошел? Смотри, как все составлено (сложено) из девяти кругов или шаров, из коих один есть небесный и самый верхний, заключающий в себе все прочие — есть Сам высочайший Бог, Который содержит и вмещает в Себе прочие, и в Котором утверждены вечные круготечения обращающихся звезд. Под оным находится семь шаров, кои противоположным небу движением обращаются вспять и из коих одним правит, так именуемый на земле, Сатурн; за сим следует благотворный и полезный для рода человеческого свет так называемого Юпитера; потом красноцветный и страшный для земли огонь, который вы именуете Марсом; под сим почти самую среднюю страну занимает Царь, Вождь и Правитель прочих светил, Душа мира и Умеритель — Солнце, имеющее такую величину, что оно светом своим все освещает и исполняет; за ним, как спутники, следуют Венера и Меркурий; а в самом нижнем круге обращается Луна, возженная лучами Солнца. Ниже Луны нет ничего, кроме смертного и разрушительного, исключая душ, дарованных Богом роду чело-

веческому. Выше Луны все вечно: ибо земля, находясь в середине (центре) и составляя девятый шар, не имеет движения и занимает самое низшее место; к ней все тяжести сами собою устремляются».

Когда я с изумлением рассматривал сие, то, пришедши в себя, спросил Сципиона Африканского: «Что это? Какая громкая и столь усладительная музыка наполняет слух мой?» — «Музыка сия, отвечал он, составляясь из неравных, однако же в надлежащей соразмерности различных промежутков, образуется движущею силою и движением самых шаров и, смягчая острые тоны мягкими, производит различные, но согласные звуки. Ибо таковые движения не могут быть производимы без звука (в тишине), и натура требует, чтобы одна крайность издавала мягкие, а другая острые тоны. По сей причине самое верхнее течение звездного неба, коего обращение быстрее у издает острый и высокий звук, а лунное, или самое нижнее движение, издает самый мягкий. Ибо земля, девятый шар, неподвижно пребывающий, всегда занимает самое нижнее и среднее место мира; а прочие движения, коих остается восемь и из коих два движения, т. е. Меркурия и Венеры, имеют одинаковую силу, производят семь звуков, различных промежутками. Сие-то седмичное число есть узел почти всех вещей. Ученые мужи, подражавшие тому игрою на инструментах и пением, открыли себе возвратный путь в сие место; равно как и другие отличных дарований люди, кои, в течение земной жизни, упражнялись в Божественных науках. Слух человеческий, музыкаю сею оглушенный, сделался нечувствителен; и ни одно из ваших чувств столько не огрубело, сколько оное: подобно тому, как люди, обитающие в так называемой Катадупе, где Нил низвергается с высоких гор, лишены слуха от чрезмерного шума воды. И сей звук, от весьма стремительного обращения целого мира происходящий, так силен, что уши человеческие сносить его не могут, подобно как вы не можете смотреть прямо на Солнце, лучами коего ослепляется ваше зрение».

Удивляясь сему, часто обращал я взоры свои на землю. Тогда Сципион Африканский сказал мне: «Я вижу, что ты

и теперь смотришь на жилище человеков и на свое отечество. Если оно тебе так малым кажется, каково оно есть в самом деле, то ты взирай на небесные предметы, а земные презирай. Ибо какой похвалы от людей или какой славы можешь ты достигнуть? Ты видишь, что земля населена в немногих токмо и необширных местах, и что даже на самых обитаемых пятнах рассеяны пространные пустыни. И те, которые населяют землю, не только разделены между собою так, что у одних с другими нет никакого сообщения, но сверх того, одни обитают в рассуждении других отчасти косвенно, отчасти в противную сторону, а отчасти совсем противоположно. И потому от них вы никакой славы ожидать не можете. Ты видишь также, что земля окружена как бы поясами, из коих два, имеющие самое большое между собою расстояние и у самых полюсов лежащие, покрыты льдом и снегом, а средний и самый обширный пополяется зноем солнечным. Два токмо из них обитаемы: один южный, которого жители прямо под вами находятся и который не имеет с вами сообщения; а другой северный, на котором вы живете. Но посмотри, как он мал. Ибо вся земля, вами населяемая, будучи уже в ширину, а пространнее в длину, представляет некоторый остров и окружается оным морем, которое вы на земле называете Атлантическим, Великим и Океаном, но которого малость, несмотря на его название, ты сам видишь. И из сих обитаемых, известных стран может ли твое или чье-либо имя перейти за Кавказ сей или за Гангес, кои ты видишь? Кто в прочих частях Востока или Запада и в крайних странах Севера или Юга услышит имя твое? После сего ты ясно видеть можешь, в каких тесных пределах ваша слава вмещаться должна. И те самые, которые о вас говорят, долго ли говорить будут? Даже когда бы будущие поколения захотели передать потомкам своим похвалы, слышанные от отцов своих, то и в сем случае, по причине наводнений и пожаров, которые неотменно воспоследуют, мы не только вечной, но и долговременной славы достигнуть не можем. Но что тебе пользы в похвале потомства, когда молчат о тебе жившие прежде тебя, кои не малочисленное и без сомнения достойнее были? Притом же ни

один не может иметь в памяти происшествий одного года.

Люди обыкновенно измеряют год обращением солнца, то есть одного светила; но собственно годом назвать можно только то время, в которое все светила возвратятся туда, откуда они вышли, и все небо, по долговременном обращении, явится в прежнем виде. Я не смею и сказать, сколь много столетий человеческих заключается в сем годе. Ибо как некогда, при возвращении Ромула в сии храмы, казалось людям, что солнце исчезло и погасло, так, ежели в том же месте и в то же время солнце затмится и каждый знак и каждая звезда возвратится к начальному пункту своего течения, тогда исполнится оный год. Но знай, что и двадцатая часть сего года еще не протекла. Посему, если ты лишишься надежды возвратиться в сие место, в котором все готово для великих и превосходных мужей, то что будет значить слава человеческая, которая относится к малой токмо части одного года? — Итак, если ты хочешь устремлять взор свой в горнее и рассматривать сие жилище и вечное отечество, если не хочешь прилепляться к похвалам народным и возлагать надежду на человеческие награды за подвиги свои, то сама добродетель собственными ее прелестями должна побуждать тебя к истинному величию. Предоставь людям говорить о тебе, что им угодно. Ибо говорить они будут; но слава их заключается токмо в оных тесных пределах, кои ты видел. Она никогда не была вечна, погибает с смертью людей и с забвением потомства исчезает».

На сие я отвечал ему: «О, Сципион Африканский! Поелику всем оказавшим услуги отечеству открыт вход в небо, то я, хотя с самых юных лет следовал по стопам отца моего и твоим и не был для вас бесславию, однако же ныне, видя таковую награду, буду о сем еще ревностнее стараться». «Старайся о сем, сказал он, и знай, что не ты смертен, а токмо сие тело твое; ибо ты не то, что представляется под сим видом; и каждый есть то, что его дух есть, а не то, что его образ, на который перстом указывать можно. Итак, знай, что ты Бог. Ибо Бог есть тот, кто живет (*viget*), кто чувствует, кто помнит, кто предвидит, кто так управляет, умеряет и движет подчиненное ему тело, как всевышний Бог управ-

ляет вселенною. И как сам вечный Бог дает движение миру, отчасти смертному, так вечный дух даст движение бренному телу. Ибо существо всегда движущееся есть вечно; но существо, которое движется от иного существа, необходимо должно иметь конец жизни, когда перестает движение его. Итак, одно только существо, само себя движущее, никогда не оставляет само себя и никогда не перестает двигаться. — Если же очевидно, что существо, само собою движущееся, есть вечно, то кто станет отрицать, что души наши одарены сим качеством? — Итак, занимай душу свою изящнейшими предметами; а самый изящнейший предмет есть попечение о благе отечества. Душа, оным движимая, скорее достигнет сего жилища и сего отечества; она сего скорее достигнет, если, будучи еще заключена в теле, отрешит себя от оногo. Ибо души тех, которые предавались плотским удовольствиям и были рабами оных, которые, побуждаемы будучи вожделениями своих страстей, нарушали права Богов и человеков — души таковых людей, оставя тело, носятся вокруг земли и в сие место возвращаются не прежде, как после многих веков мучений». — По сих словах он исчез, а я проснулся.

См. Цицеронов Разговор о республике.

ХП

Весьма замечательный разговор французского путешественника П. Люкаса с одним из Турецких Дервишей, с которыми он встретился

Павел Люкас (Paul Lucas) рассказывает, что, когда он находился в Бруссе, городе Натолии, и вместе с одною знаменитою особою вышел прогуляться в окрестностях небольшой деревни по имени Бурнонс-Баши, с ним случилось следующее происшествие:

«Мы пошли вместе в одну мечеть, где похоронен знаменитейший из их Дервишей, т. е. имевший оную под всегдашним своим охранением; пришли же туда потому, что сии места определены для прогулок и отдохновений. Нас привели в одну киоску, где мы нашли четырех Дервишей, которые приняли нас со всевозможною вежливостью и даже пригласили нас к своему столу. Нас уверяли, а впрочем, мы и сами скоро заметили то, что они знаменитые Дервиши и действительно ученые мужи. Один из них, по словам его, был уроженец из земли Узбеков; он показался мне еще ученее, нежели прочие, и полагаю, что <он> говорил на всех языках целого мира.

Так как ему неизвестно было, что я Француз, то, поговорив со мною некоторое время по-Турецки, он спросил меня, не умею ли я по-Латыни, по-Испански или по-Итальянски. Я сказал ему, что может говорить со мною по-Итальянски, однако он скоро заметил, что и это не есть мой природный язык. Итак, заключая, что я не Итальянец, он просил меня сказать ему, какой я уроженец. Когда же узнал о сем, то начал говорить мне по-Французски так, как человек, который бы воспитан был в самом Париже,

«Как! сказал я, разве вы были во Франции?» Он отвечал мне, что никогда там не бывал, но что, по склонности своей, весьма желал бы побывать там. Я очень уговаривал его к тому и, чтобы убедить его, сказал ему, что нет в свете Государства, где бы было больше вежливости; что особливо иностранцы приняты там весьма хорошо; что, словом, путь сей ничего, кроме одного удовольствия, принести ему не может. «Нет, нет, возразил он мне, я не решусь на это, и весьма бы глуп был, когда бы положился на таковые лестные для себя надежды. Я человек ученый, а потому уверен, что меня там не оставили бы в покое; сего уже очень довольно, чтобы мне никогда о сем и не думать. Сколько я ни старался разуверить его, говоря, что он ошибается, что, конечно, кто-нибудь насказал ему столь много худого о моем отечестве; что, напротив, Франция есть рассадник ученых людей, и что Король, которого я имею счастье быть подданным, сам весьма любит их; чему доказательством слу-

жит то, что хотя я, по званию своему, не из числа ученых, однако ж Его Величество отправил меня, на своем иждивении, путешествовать по сим странам, с тем намерением, дабы открыть то, что еще неизвестно и что послужило бы к усовершенствованию наук, как наприм. травы, кои могут быть полезны в врачебной науке — древние памятники, кои могут пояснить события древности, а тем соделать Историю достовернее и полнее — наконец, земли, коих обозрение может исправить географические карты. Одним словом, сколько я ни доказывал ему, даже примерами, любовь, каковую имеют во Франции к наукам и к ученым, он все их приписывал действию климата; и если соглашался на сказанное мною, то соглашался, казалось, по одной только вежливости. Он, однакож, был весьма доволен, слыша от меня таковые лестные о Франции отзывы, и даже примолвил, что, может быть, он когда-нибудь и предпримет путь сей. — По окончании разговора, Дервиши повели нас в дом свой, который находился у подошвы горы, неподалеку от Еурнонс-Баши. Там мы напились у них кофею; и потом я простился с ними, обещав опять прийти к ним.

10-го Числа Узбекский Дервиш сам также посетил меня. Я принял его сколько можно лучше; и как он казался мне любопытным ученым человеком, то показал ему купленные мною рукописи, о которых отозвался он, что они подлинно редки и писаны хорошими сочинителями. К похвале сего Дервиша я должен сказать, что это был человек, которого даже наружность имела действительно что-то необыкновенное. Он сообщил мне некоторые превосходные открытия по врачебной науке и обещался со временем сообщить оных еще более. «Но наперед надобно, сказал он, чтобы вы к тому несколько приготовили себя; и я надеюсь, что некогда вы будете в состоянии воспользоваться тем светом, каковым могу я обогатить смысл ваш».

Посмотрев на него, нельзя было сказать ему более 30 лет; но, по его словам, он жил уже более века, и сему можно было еще охотнее верить тогда, как он рассказывал о своих многих и долговременных путешествиях.

Он говорил мне, что их числом 7-мь друзей, и что все

они таким образом странствуют по целому миру, с намерением еще более усовершенствовать себя; что, расставаясь, они условливаются между собою съехаться опять вместе чрез 25 лет в каком-нибудь городке и что прибывшие наперед должны всегда поджидать прочих. Это заставило меня предположить, что на сей раз местом съезда для сих 7-ми ученых мужей, конечно, избран был город Брусса; ибо их собралось уже туда четверо, и они были между собою так дружны, что никак нельзя было подумать, будто нечаянный случай собрал их вместе, а что, напротив, они собрались по долговременному друг с другом знакомству.

Говоря с умным человеком, находишь всегда случай говорить о разных любопытных предметах; таким образом и наш разговор попеременно относился то к Религии, то к Натуре. Наконец речь нечувствительно зашла о Химии, Алхимии и Кабале. Я при сем сказал ему, что последние две науки, особливо же познание так называемого Философского камня, почитаются большею частью людей за науки, совершенно мечтательные.

«Это не должно удивлять вас, отвечал он. Вообще ничему нельзя дивиться в сей жизни, и истинно мудрый слушает все, ничем не соблазняясь. Но если он столько кроток, что оказывает снисхождение к невежественной толпе, то неужели он должен унижать и собственный свой разум, потому что другие не могут понимать того, что он видит? Неужели он должен подвергать себя суждению слепой черни, потому что она не в состоянии сносить свет, который не может ослеплять глаза истинно мудрого? Кто говорит об истинно мудром, продолжал он, тот разумеет такого человека, который один имеешь право мудрствовать. Таковой не имеет никакой привязанности к миру; он без малейшего беспокойства видит, как все пред ним умирает и все оживает. Таковой может доставить себе богатейшие сокровища, нежели какие имеют у себя самые сильные в мире Государи; но он все ногами попирает. Сие-то великодушное ко всему презрение подставляет его, даже в самой бедности, превыше всех житейских случаев.

Тут я прервал его. «При всех этих превосходных пра-

вилах, сказал я ему, мудрый так же умирает, как и прочие люди. Что же мне в том, проживу ли я жизнь свою, как мудрый или как безумец, когда мудрость не имеет никакого преимущества над безумием, и когда первая столь же мало освобождает от смерти, как и последняя?» — «Ах! возразил он, я очень вижу, что вы не были знакомы ни с одним Философом. . . . Итак, знайте, что Философ, каковым я его вам описываю, хотя действительно так же умирает — ибо смерть неразлучна уже с натурою, и быть от оной изъяту было бы нарушением порядка — но он продолжает жизнь свою до самого последнего предела, т. е. до того времени или срока, который предназначен ей от Творца. Замечено, что срок сей составляет 1000 лет и что долее оного не живет и Мудрый. Он достигает сего чрез познание истинного врачевства, которым устраняет от себя все, препятствующее отправлению жизненных действий и могущее нарушить равновесность в его натуре, — которым также он научается познавать все то, что Богом открыто было нашему Праотцу. — Не по собственной ли вине своей лишается человек сего изящного преимущества — жить 1000 лет — преимущества, которое он всеми силами долженствовал бы сохранять?»

Итак, вот что, продолжал он, обретают истинно Мудрые. . . . А чтобы вы не могли более обманываться, скажу: вот что называют *Философским камнем*, который не есть наука мечтательная, как мнят полуученые; но то есть *вещь самая подлинная, или действительная*. — Впрочем, она немногим только известна, и даже как бы невозможна для большей части людей, кои губят себя корыстолюбием либо сладострастием, и кои, желая жить, тем самым нередко убивают себя.

Удивленный всеми словами, мною слышанными, я сказал ему: «Как! вы хотите уверить, что все нашедшие *Философский камень* живут 1000 лет?» — «Да, без сомнения, отвечал он мне с большою важностью. Когда Богу угодно благословить кого-либо из смертных сим превосходным познанием, тогда от него уже зависит жить 1000 лет, подобно первому человеку.

Тут сказал я ему, что и в нашем отечестве были такие счастливые смертные, о которых говорили, будто им известна была *животворная наука*; которые, однакож, не захотели жить до столь престарелых лет, и прежде еще перешли в тот мир. — «Но, отвечал он, разве вы не знаете, как мало дорожат названием Философа? — Итак, или они не были истинными Философами, или должны были жить столько, сколько я вам сказал».

Наконец, я заговорил с ним о знаменитом Фламеле и сказал, что сей человек, несмотря на обладание *Философским камнем*, умер, как и прочие люди. При сих словах он от искренности сердца стал смеяться простоте моей. А как я уже начинал было верить ему во всем, то и весьма удивился тому, что он сомневается в сих словах моих. Но он, заметив удивление мое, тотчас с прежнею важностью спросил меня, неужели я так прост, что могу верить, будто в самом деле Фламель умер. А как я не вдруг отвечал ему, то он продолжал: «Нет! вы обманываетесь; Фламель и жена его не знают еще, что значит умереть. Тому не прошло даже трех лет, как я обоих их оставил в Индии; и он есть один из вернейших друзей моих».

Он хотел было сказать мне и самое то время, когда они друг с другом познакомились; однакож остановился, говоря, что лучше хочет рассказать мне о приключениях его жизни, о которых, конечно, не знают в отечестве моем.

«Наши мудрые, продолжал он, встречаются во всех вообще секстах, которые в сем отношении имеют мало преимуществ одна над другою. Во время Фламеля был один таковой Мудрый родом из Евреев. Он, в первых годах жизни своей, с великою ревностью сохранял любовь свою к потомкам братьев своих, и узнав, что большая часть из них удалились во Францию, столь сильно захотел повидаться с ними, что решился нас оставить и туда ехать. Сколь ни велики были наши усилия отклонить его от сей решимости, но чрезмерное желание его превозмогло их и заставило его уехать, с обещанием однакож, что он возвратится к нам, как только будет можно. По приезде в Париж он узнал, что потомки отца его скончались, провождая жизнь свою с Еврея-

ми и пользуясь от них великим уважением. Между прочими нашел он одного Раввина из своего поколения, который, казалось, хотел сделаться ученым, т. е. который искал достигнуть истинной Философии и уже работал над так называемым, *великим делом*. Друг наш, не стыдясь открыть себя пред своим внуком, подружился с ним весьма тесно и многое пояснил ему. Но как *первую материю* надобно долго готовить, то он почел достаточным описать ему все искусство *философского дела*; а чтобы доказать притом, что написал не ложь, он при нем же *сделал проекцию* над 30 оками несовершенного металла, т. е. превратил их в самое чистое золото. После сего Раввин, приведенный в величайшее удивление братом нашим, употреблял все свои усилия, чтобы удержать его при себе; но все было тщетно, ибо брат наш никак не хотел нарушить данного нам обещания. Наконец Еврей, не могши ничем успеть в том, вдруг переменял себя и из друга сделался смертельным врагом; корыстолюбие подвигнуло его предпринять убийство и погасить одно из светил вселенные. Но, желая скрыть это, он просил сего Мудрого остаться у него только на несколько дней; и в сие-то время, посредством вероломства, столь же черного, сколько и неслыханного, он убил его и похитил все его бумаги. Ужасные злодеяния не могут долго оставаться ненаказанными; а потому и Еврей тот, по обвинении его и взятии под стражу как за сие преступление, так и за другие, в коих уличили его, был живой предан огню. Вскоре за тем последовало гонение на Евреев в Париже и, как вам известно, они изгнаны были из Французского Государства. Фламель, будучи благоразумнее, нежели большая часть обитателей Парижа, не нашел в сих обстоятельствах никакого для себя затруднения, но успел подружиться с некоторыми из прочих Евреев и даже приобрел себе у них имя весьма честного, праводушного человека. По сей причине один Еврейский купец решился поверить ему свои счета и все свои бумаги, не сомневаясь в том, что он не употребит их во зло и сохранит от всеобщего пожара.

Между сими бумагами находились также бумаги того Раввина, которого сожгли, и книги, принадлежавшие наше-

му Мудрому. Еврейский купец, занят будучи своею торговлею, не имел, как видно, времени обратить на них надлежащего внимания; но Фламель, пристальнее рассмотрев их и приметив изображения печей, кубов и других подобных же химических сосудов, справедливо заключил, что это, конечно, описание таинства *великого* или *философского дела*; почему и рассудил, что не должно сим одним довольствоваться. А как эти книги были написаны по-Еврейски, то он попросил перевести для себя первый листок; и, удостоверившись чрез то в своем предположении, он, желая сохранить благоразумие и не открыть себя, поступил следующим образом.

Он отправился в Испанию. Там, встречаясь с Евреями почти во всех местах, где на время останавливался, он везде просил перевести для себя по одному листку из своей книги; и, таким образом переведя ее всю, отправился обратно в Париж. На обратном пути во Францию, он подружился с одним человеком, которого привез с собою, чтобы вместе и с ним работать над *философским делом* и которому намеревался открыть впоследствии времени тайну свою; но приключившаяся болезнь похитила у него одного друга. Итак, Фламель, находясь уже опять в своем отечестве, решился работать вместе с своею женою; работа их была успешна, и они, приобретя чрез то несметные богатства, построили множество общественных зданий и весьма многих обогатили.

Слава нередко влечет за собою беспокойства; но Мудрый по своему благоразумию умеет избегать всяких затруднений. Фламель предвидел, что это кончится взятием его под стражу, как скоро начнут подозревать его в обладании *Философским камнем*, — предвидел притом, что, вероятно, и не замедлят даже приписать ему познаний сего искусства после того, когда уже он своею щедростью сделался столько известен. Итак, поступая, как прилично истинному Философу, который весьма мало заботится о том, чтобы жить в памяти рода человеческого, он нашел средство уклониться от гонений, а именно, решился разгласить, будто оба они умерли. Жена, по совету его, притворилась больною и

пролежала определенное время; а когда сказали, что она умерла, то находилась уже в Швейцарии, где, по его же приказанию, ожидала его к себе. На место ее похоронили кусок дерева, одетый в платье; а чтобы сохранить и всю пышность обряда, похоронили притом в одной из построенных ею церквей. Потом Фламель прибегнул к той же хитрости и, как за деньги все можно сделать, то легко понять, что ему не стоило большого труда подкупить врачей и духовный причет. Он оставил духовное завещание, в котором убедительно просил похоронить тело свое вместе с телом жены его и поставить над ними памятник в виде пирамиды. Таким образом, когда сей мудрый муж был уже в дороге, чтобы съехаться с своею женою, другой кусок дерева был также похоронен вместо него. С того времени оба они вели жизнь совершенно Философскую, т. е. странствуя из одной земли в другую. — Вот истинное описание жизни Николая Фламеля, которая совсем не такова, как вы думаете или как безрассудно полагают в Париже, где весьма немногим только известна истинная Философия».

Сие описание жизни — продолжает П. Люкас — в самом деле чрезвычайно удивило меня, тем более, что я слышал это от Турки, который, по моему предположению, никогда не бывал во Франции. Впрочем, я сообщаю это, как только повествователь, оставляя даже многое другое, еще менее имовверное, о чем, однако, он рассказывал мне весьма достоверительно. Довольно будет, если замечу, что вообще слишком низко заключают о ведении Турков, и что тот, о котором я говорю, есть человек с превосходнейшими дарованиями. —

См. Путешествие П. Люкаса по Греции,
Малой Азии и прч. Амстердам, 1714. В
11 частях, в 12 долю.

Примечание. Не лишнее будет и здесь заметить, хотя мимоходом, что Г. Люкас, быв отправлен путешествовать Французским Королем Людовиком XIV-м, которому и посвятил свое Путешествие, не смел, конечно, описывать ему

свои выдумки; ибо Государь сей не позволил бы ему распространять ложь в своем Государстве и притом под своим именем; а еще менее стал бы, после таковой наглой дерзости, покровительствовать ему и оказывать свое благоволение до самой его смерти.

ХІІІ

Странное приключение с одним шкипером

Фамус, Египетский шкипер, отправился однажды в Рим на корабле своем. Когда он приближался к Эхинадским островам в Ионическом море, то в полночь услышал голос, который кликал его, называя по имени, но о котором не известно ему было, чей он и откуда. Все бывшие на корабле пришли от того в великое удивление и страх. Когда же голос кликнул его в третий раз, тогда он откликнулся. Голос сказал ему: «Как скоро ты приедешь к ближайшему острову и пристанешь к нему, то громким голосом прокричи на корабле своем следующие слова: “Великий Бог Пан умер!”». Фамус, услышав это, весьма испугался и не хотел было исполнить сего; однакож, после размыслив, покорился сему повелению. Как скоро он, пристав к острову, прокричал оные слова и возвестил о том с корабля, тотчас раздался в воздухе такой плачевный крик и вой, что все, находившиеся с ним в корабле, едва не померли от ужаса. По приезде его в Рим, разнесшийся о том слух дошел наконец до Императора Тиверия, который велел потребовать Фамуса к ответу, и законным следствием удостоверился в том; так что спрашивал у авгуров и жрецов своих, что надлежит думать о сем случае.

См. Плут. в книге об оракул.,
преставших давать ответы.

XIV

Двое удивительных иностранцев в Кёльне

В нижеозначенном периодическом издании находится следующая статья из Кёльна.

Два несчастные предсказателя из Дамаска все еще делают здесь много шума между простым народом. Они могут, как слышно, даже в темную ночь явственно видеть все предметы; и многие из тех, кои посещали их в тюрьме, где они содержатся, хотят и себя и других уверить, будто по временам огненный свет в виде венца является вокруг головы их. Предсказания свои основывают они частью на непосредственном вдохновении высшего Духа, частью же на изречениях древних Сивилл. Они уверяют, что лично были в Константинополе в 1453 году, когда Магомед II отнял у Христиан столицу сию, и что удостоивались самого короткого обращения с Константином Палеологом, последним Христианским на Востоке Императором, а от супруги и сестры его имеют даже собственноручные письма на имя свое, которые хранятся ими в одной Сирийской пустыне и которые могут они показать. По словам их, тогда уже было каждому из них более нежели 300 лет от роду. — Они свободно говорят по-Персидски и по-Китайски.

Чрез Химию достигли они до познания удивительных таинств, и носят при себе *некоторую*, так называемую *белую тинктуру*, посредством которой не только все металлы превращают в золото, но и могут исцелять все болезни. Еще незадолго до прибытия их сюда, они, в некоторых соседственных деревнях наших, производили сею *тинктуру* такие исцеления, от коих все изумлялись. Рассказывают об них и еще другие чудеса, как напр., что они от употребляемой ими в тюрьме пищи, состоящей всегда из одного хлеба и воды, никогда не имеют испражнений; что платье их никогда не изнашивается; что дикие звери показывают к ним страха исполненную покорность и т. п. Они,

сверх того, очень сведущи в писаниях древнейших мудрых мужей, и особенно о Пифагоре говорят с глубоким почтением. Слова и поступки сих двух иностранцев, по крайней мере, непонятны во многих отношениях.

См. Разную Лейпцигскую Смесь 26 Мая 1761 года.

XV

Замечательный случай, бывший в Вене

В 1687 году одно странное приключение наделало много шума в Вене и заслуживает, чтобы рассказать о нем. Некто иностранец, по имени Синьор Джеральди, жил там весьма пышно и принят был в самых лучших домах, хотя в продолжение трех месяцев, проведенных им в Вене, никто не знал о нем, откуда и кто он. Он особенно отличался от прочих тем, что, во-первых, имел у себя, хотя небольшое собрание, но самых изящнейших картин, которые охотно показывал любопытствовавшим видеть их; во-вторых, был необыкновенно сведущ в художествах и науках и говорил об них с большою свободностью и с глубоким прониканием; наконец, в-третьих, он никогда сам ни к кому не писал и от других не получал писем; никогда также ничего не покупал в долг и никому не давал ни долговых расписок, ни заемных писем, а всегда платил за все наличными деньгами.

Сей Джеральди, бывши однажды в кофейном доме, встретился там с одним Венецианским Ноблем (дворянином высокого происхождения), который был великий знаток в живописи и пожелал видеть собрание Джеральдиных картин. Посмотрев их, он изъявил ему свою живейшую благодарность и божился ему, что в жизнь свою не видал ни столь прекрасной живописи, ни столь отборного собрания. Когда он хотел уже проститься с Синьором Джеральди, то нечаянно увидел портрет над дверью кабинета

его и взглядевшись пристальнее, сказал: «Удивительно, как он на вас похож!». *Джеральди* отвечал ему на слова сии низким только поклоном. «Но — продолжал Венецианский Нобль — «вот что для меня странно: вам, по-видимому, много уже пятьдесят лет, а по сведениям, какие имею в живописи, я удостоверен, что портрет сей писан вашим знаменитым Тицианом*, который умер тому назад по крайней мере 130 лет; итак, не понимаю, как же это возможно?» — «И в самом деле* — отвечал ему с важным видом Г. *Джеральди* — не так легко понимать все то, что возможно; впрочем, нет, кажется, никакого преступления, походить на портрет, писанный еще Тицианом. — Тогда Венецианец, опасаясь, не оскорбил ли он тем Синьора *Джеральди*, извинился перед ним и немедленно с ним простился.

Венецианский Нобль не мог, однакож, не рассказать вечером того же дня о странности бывшего с ним случая некоторым из своих приятелей, которые также захотели видеть сей удивительный портрет. Они на другой же день пошли в тот кофейный дом, куда обыкновенно прихаживал Синьор *Джеральди*; и, не найдя его там, один из них отправился навестить об нем в той гостинице, где он жил. Но здесь, к удивлению своему, он узнал, что Г. *Джеральди* не более как с час выехал уже совсем из Вены. Приключение сие наделало столько шума, что оно описано было во всех ведомостях.

См. Историчес. записки 1867-го, том I, стр. 365.

* Тициан жил в конце XV века.

XVI

Любопытный сон одного ученого

Один ученый, живший в Дижоне, бился целый день над одним важным местом некоторого Греческого Стихотворца и, не могши найти в нем смысла, лег наконец спать, все еще размышляя о трудности того места. Во сне он переносится в Стокгольм; является во дворец Королевы Христины; входит в библиотеку; отыскивает в ней одну книжку; открывает ее, и видит в ней десять или двенадцать стихов Греческих, которые совершенно разрешают все его недоумения. Он пробуждается и немедленно записывает те стихи, которые читал, во сне. На другой день пишет он к Г. Картезию, бывшему тогда в Швеции, и просит его посмотреть в таком-то месте, на такой-то полке библиотеки, есть ли там такая-то книга и находятся ли в ней Греческие стихи, которые он при сем к нему посылает.

Г. Картезий отвечал к нему, что он, в означенном от него месте, нашел упоминаемую им книгу, в которой находятся и присланные им стихи, и что некто из его приятелей обещал доставить ему один экземпляр сего сочинения, который он, при первом удобном случае, и перешлет к нему.

См. Книгу о чудотвор. и проч.

XVII

Чудесная обезьяна

Томас Роз, бывший Английским Посланником при Великом Моголе около начала 17 столетия, рассказывает следующее о большой обезьяне, которая, как животное удиви-

тельное, была представлена сему Государю одним Бенгальским искусником. Чтобы опытами удостовериться в чудесном ее свойстве, Император снял с своего пальца кольцо и велел спрятать его в платье одного из своих пажей. Обезьяна, не выдавая, как его прятали, вынула его оттуда, где оно лежало. Император, не полагаясь на один этот опыт, велел написать на 12-ти разных бумажках имена 12-ти Вероучредителей и, перемешав оные в одном сосуде, спросил у обезьяны, кто из них основал истинную Религию. Обезьяна положила руку в сосуд и вынула имя Божественного Основателя Христианской Религии. Император весьма изумился; но возымел подозрение, что хозяин обезьяны умеет читать по-Персидски и научил ее делать такое различие. Он взял на себя труд собственною рукою написать те же имена цифрами, которые употреблял для изложения тайных повелений своим Министрам. Обезьяна и тут не обманулась: она вынула то же Имя Божественного Основателя и поцеловала. Тогда один из главных придворных Чиновников сказал Императору, что в этом непременно скрывается какая-нибудь хитрость, и просил у него позволения перемешать бумажки, подвергая себя какой угодно казни, если обезьяна не ошибется. Он опять написал те 12 имен, и положил в сосуд только 11-ть, а двенадцатое оставил у себя в руке. Обезьяна перебрала их все одно за другим, но не вынула ни которого. Император, отчасу более удивленный, хотел непременно заставить ее вынуть одно из них; но животное пришло в ярость и разными знаками давало знать, что имя истинного Вероучредителя не находится в сосуде. Император спросил у нее: где же оно? Обезьяна подбежала к Чиновнику и схватила его за ту руку, в которой он держал бумажку с оным именем. Роэ присовокупляет: «Каким бы образом ни стали изменять этот удивительный случай, но то верно, что он действительно был».

См. Сокращение Всеобщего Описания
Путешеств., том I.

XVIII

Любопытное приключение, случившееся в Виргинии

Английский Полковник по имени Бард, живший в Виргинии, торжественно засвидетельствовал один необычайный случай, которого он сам был почти очевидцем. — Около верховья реки Джемса, где он имел табачные плантации и где работало у него множество Негров, случилась однажды великая засуха. Как все Американцы имели к нему такое почтение, что одно имя его содержало их в повиновении, то один из них сжалился, видя, как гибнет табак, принадлежащий человеку, столько ими уважаемому, и, пришедши к Надзирателю плантацию, вызвался свести на них дождь, с тем однакож, чтобы Надзиратель обещал ему именем Полковника, находившегося тогда в отлучке, две бутылки ликеру. Хотя не было ни малейшего признака, чтобы скоро пошел дождь, и хотя Надзиратель не очень доверял Американской магии, однакож две бутылки ликеру были обещаны ко времени возвращения господина. Американец тотчас начал свои заклинания, и менее нежели в полчаса явилось густое облако, которое пролило сильный дождь на табак, принадлежавший Полковнику, оставив соседние земли совершенно сухими. Надзиратель, приведенный в изумление, тотчас отправился за 40 миль к Полковнику, чтобы иметь удовольствие самому уведомить его об этом приключении. Хотя Бард был от природы нелегковерен, однакож он не мог ничего возражать против слов человека в здравом рассудке. При всем том, сомнения заставили его тотчас возвратиться на свои плантации, где он совершенно уже удостоверился в истине случившегося единогласным подтверждением от всех Англичан. Поступок его при сем случае с Американцем был столь благоразумен, что, кажется, придает еще более достоверности его рассказу. Он дал Американцу обещанные две бутылки ликеру; утверж-

дал однакож, что, конечно, он прежде видел облако; а без того не мог бы ни свести, ни предсказать дождя. «Отчего же дождь, отвечал Американец, не шел у твоих соседей? Отчего они лишились своего табаку? Нет! я люблю тебя, и это одно побудило меня спасти твой табак».

См. там же, том 11.

XIX

Достопримечательный случай, бывший с одним Греком и описанный Плутархом

Б Киликии, в местечке Соли, говорит Плутарх, был некто Феспесий, великий друг Протогена, с которым я долго жил в Дельфах. Он в молодости своей вел себя крайне распутно и, в короткое время промотав все свое имение, пустился еще более во всякий разврат, ища всеми способами возвратить себе промотанное имение. Наконец, наскучив разными нуждами, он велел однажды спросить у оракула, будет ли он когда жить лучше. Оракул отвечал, что *будет, после того как умрет*. Все толковали сие изречение оракула так, что Феспесию не живать лучше; но вскоре случилось ему упасть с высокого места и ушибить себе голову, без всякой, впрочем, раны, так больно, что три дня он оставался совершенно без чувств, и его почитали уже умершим. В самое то время, как готовились погребсти его, вдруг он встал, пришел в себя и потом стал жить так, что вся Киликия свидетельствует о нем, что не было человека советнее и благочестивее его. Видевшие в нем такую чудесную перемену и знавшие его прежде, пожелали узнать от него причину оной; и вот что он сам рассказывал тому Протогену, о котором я упоминал.

Когда он упал, то ему показалось, как бы его с палубы сбросили на дно моря. Опамятовавшись, он стал озираться

вокруг себя. Душа его вся сделалась оком, и зрелище, представившееся взору его, было совсем новое. Он видел звезды чрезвычайной величины в бесконечных расстояниях одна от другой, которые испускали из себя лучи ослепляющего сияния и удивительных цветов и имели силу переносить душу во мгновение ока всюду, куда она ни пожелает. Души усопших являлись ему огненными шарами, пролетающими быстро сквозь воздух, который их не задерживал. Сии шары разрывались одни за другими, и из них выходили души в человеческом образе. Одни поднимались прямо вверх с удивительною скоростью; другие кружились, то поднимаясь, то опускаясь. Во множестве сих душ он узнал только две или три, к которым хотел приблизиться, чтоб поговорить с ними; но они быстро умчались от него и не слышали зову его, как бы были глухи; встречаясь же с подобными себе, дружно схватывались и кружились вместе, издавая какой-то визг. Другие, напротив того, поднявшись на самую высоту, делались блистающими. Они также устранились от тех душ, а сходились между собою. В числе сих последних он увидел душу одного своего родственника, которого бы он и не узнал, потому что он умер тогда еще, когда Феспесий был в малолетстве; по душа сия, приближаясь к нему, сказала: «Здравствуй, Феспесий!». На что он, удивляясь сему, отвечал: «Я не Феспесий, а Ариден» (так он прежде назывался.) — «Это прежнее твое имя, отвечала душа; а теперь будут тебя называть Феспесием (Божественным), ибо ты еще не умер, а, по особливому велению Судьбы, пришел только умною частью своей души, оставив другую при теле для хранения его. В доказательство того, что ты не совсем еще отлучен от тела, ты производишь тень, чего души умерших уже не делают». — Сии слова побудили Феспесия осмотреться, и он увидел, что действительно он бросал тень по сторонам, а другие души окружены были некоею прозрачною атмосферою, и сами были прозрачны, только не одинаким образом. Некоторые сияли приятным светом, подобно луне в полном сиянии; другие имели на себе кое-где темные пятна, как бы чешую; а некоторые были совсем пестрые. Родственник сей толковал ему о раз-

ных цветах душ, говоря, что черный означает скупость и все низкие склонности; огненный означает злость и жестокость; голубой, сладострастие, которое с трудом изглаживается; а зависть и ненависть показываются в диком цвете. Когда сии пятна исчезнут, тогда душа сделается лучезарною, а пока оные существуют, то душа чувствует еще отзвухи страстей, похожие на лихорадочные припадки, которые у одних слабее, а у других сильнее. Родственник понес Феспесия на лучах, как бы на крыльях, осмотреть разные места страны той, и наконец они прибыли к тому месту, где грешники мучатся. Феспесий содрогнулся, увидя тут друзей и товарищей, близких знакомых и самого отца своего, преданных жестоким наказаниям и производящих преужасные вопли, от которых он хотел бежать; но, оглянувшись, не нашел уже при себе доброго своего проводника, а на место его представились ему другие, ужасного вида, которые нудили его идти далее. Он видел людей, кои в земной жизни почитались явными преступниками, но кои гораздо менее были мучимы, нежели те, которые утопали в пороках, нося личину добродетели. Иные были вместе связаны по две, по три души и более, наподобие змей, и кусали друг друга от ярости, вспоминая о своих злодеяниях. Но более всех возбудили в нем жалость те, кои передали свои гнусные страсти потомству: ибо, когда кто из их потомков умирал и приходил в сие место мучения, то яростно бросался на душу того, который был виною его злополучия, и отмещивал за претерпеваемые им мучения. Феспесий содрогнулся от сего зрелища и, повлечен быв сильным стремлением воздуха, как бы вихрем, вдруг очутился в своем теле и открыл глаза, как бы проснувшись.

См. Плутарх. Рассужд. о замедл. судов
Правды Божией.

Два любопытных известия о Графе Сен-Жермене

В означенном ниже сего сочинении пишут следующее в Венеции находится теперь человек, утверждающий, что ему 350 лет. Он называется Бельмар Сен-Жермен. Он знает необыкновенные искусства: составляет бриллианты, которые в целом мире известны под его именем; пишет вдруг обеими руками; белит сырую пеньку наподобие белого сырцового шелку и носит при себе мазь, имеющую силу возвращать молодость. Он носит еще с собою памятную книжку, где вписаны имена славнейших мужей XVI и XVII столетий, собственною их рукою, и между прочими великого Михаила Монтаня в 1580 году и некоторого Графа Ламберга в 1618-м.

Сии письменные памятники должны быть довольно древни; ибо бумага и чернила весьма стары.

Когда он говорит кому, то говорит в весьма важных, величественных выражениях; вообще разговоры сего чудесного человека совсем отличны. Он говорит, что когда нога его ступит только во Францию, то сие Государство приведет в изумление весь круг земного мира.

В Венеции он утверждал, что имеет преимущество пред покойным Герцогом Йоркским, и это потому, что об Герцогах знают, кто он; об нем же того не знают.

См. Лейпциг. Разн. Смесь 27 Декабря 1774.

Происхождение Графа Сен-Жермена, пишут в другом сочинении, неизвестно. Иногда называл он себя Эмаром, иногда же Маркизом Бельмар. Он беспрестанно путешествовал, и был даже принят при Дворах Владетельных Особ; он уверял, что живет уже 350 лет и в памятной книжке своей показывал изречение, вписанное рукою знаменитого Монтаня. Некоторая драгоценная *жизненная вода* сох-

раняла телесные силы его в непрерывной бодрости и свежести; действия воды сей были столь велики, что одной престарелой женщине возвратили молодость. Неразрешимая задача приурочивания или составления драгоценных камней удачно разрешилась для него во время вторичного путешествия его в Индию, которое совершил он в 1753 году. В 1773 году, находясь у Французского Посланника в Гаге, он разбил вдребезги один высокой цены бриллиант своего собственного произведения, а другой своей же работы продал перед тем за 5500 луидоров*. От его прозрения не были также сокрыты и тайнства будущего времени: он предсказал Французам смерть Людовика XV. Он имел силу действовать даже на самых зверей, и раскрывал в змеях чувствительность к музыке. К телесным ловкостям, отличавшим его, принадлежит, без сомнения, и то особенное дарование, с помощью которого он в одно время, на двух разных листах бумаги, мог обеими руками писать то, что ему сказывали; причем невозможно было никак различить написанное одно от другого. На скрышке он играл с таким мастерством, что казалось, будто играют с ним на многих инструментах. —

См. Энцикл. Словарь, том IV.

* В Немецких ведомостях, под названием Вечерние Ведомости, No. 73, 25 Марта 1826 года в прибавлении, где сообщено подробное известие о Гр. Сен-Жермене, сказано, что, по уверению Графа, он мог опять составить сей разбитый им бриллиант. Там же сказано, что путешествие его в Индию было между 1753 и 55 годами.

Замечательный сон одного Карфагенского врача

Один врач, именем Генирад, к которому весьма дружелюбно расположен был Блаженный Августин, и который славился в Карфагене как своим искусством, так и любовью к бедным, имел несчастье сомневаться в том, что есть другая жизнь после здешней. Однажды видит он во сне, что какой-то юноша подходит к нему и говорит: «Иди за мною!» Он пошел за ним и очутился в городе, где на правой стороне слышал удивительную гармонию, но что происходило на левой, того не помнит.

В другой раз видит он того же юношу, который спрашивает его: «Знаешь ли ты меня?». «Очень знаю», отвечал он. «А почему ты меня знаешь?» Тогда он стал ему рассказывать все, что он ему показывал в том городе, в который водил его. Юноша спросил еще: «Все, что ты видел, во сне ли то видел, или наяву?» — «Во сне», отвечал он. «А то, что я теперь говорю тебе, во сне ли ты слышишь или наяву?» — «Во сне», отвечал врач. Юноша продолжал: «Где же теперь твое тело?» — «На моей кровати», отвечал он. — «Знаешь ли ты, что ты телесными глазами ничего теперь не видишь?» — «Знаю», отвечал он ему. — «Какими же глазами ты меня видишь?» — Когда он, удивившись сему вопросу, не знал, что отвечать, то юноша сказал ему: «Как ты теперь видишь и слышишь меня с закрытыми телесными глазами и с усыпленными прочими чувствами, так точно и по смерти своей ты будешь жить, видеть и слышать, но духовно. — Итак, не сомневайся более, что есть другая жизнь после здешней».

См. Сочинения Бл. Августина.

XXII

Любопытное известие о привидении, известном под названием белой женщины

В Германии почти всем известно, что в различных замках, например: в замке Нейгауском в Богемии, в Берлинском, в Дармштатском, в Барейтском, в Карлсруском и в других местах по временам являлась довольно высокая женщина, одетая в белое платье. Она носит на себе покрывало, но чрез него удобно видеть можно лицо ее. Обыкновенно является она по ночам и незадолго перед смертью какой-либо владетельной Особы; хотя случается, что умирают таковые и без сего явления. Сверх того, иногда предзнамует она своим явлением смерть и таких людей, кои не принадлежат к Княжеским Фамилиям, а только состоят при Дворах,

В пятом томе Театра Европы Мериан повествует, что, в 1652-м и 53-м годах, она часто являлась в Берлинском замке. Старинное предание удостоверяет, что также в Карлсруском замке многим случалось видеть белую женщину, и в подлинности сего не сомневаются самые разумные люди; но следующие два явления совершенно утверждают сию истину. Одна достопочтенная знатная дама, вечером в сумерки, прогуливалась в саду Карлсруского замка, или дворца, с своим мужем, ничего не думавши о белой женщине. Вдруг видит она ее совершенно явственно, подле себя стоящую на дороге, так что могла разглядеть все лицо ее. Она от страха перебегает на другую сторону своего мужа, а белая женщина исчезает. Муж сей госпожи рассказывал, что жена его побледнела тогда, как мертвая, и получила лихорадочный пульс; но сам он не видал никакого привидения. Скоро после того некто из Фамилии сей дамы умер.

Другое явление оной женщины было ученейшему, благочестивому мужу, который при Карлсруском Дворе отправлял важную должность, и которого нельзя подозревать ни

в Фанатизме или суеверии, ни во лжи или обмане. Этот господин шел однажды вечером поздно чрез одну галерею Карлсруского дворца, ни о чем подобном сему не думая. Вдруг видит он белую женщину, идущую к нему навстречу. Сначала подумал он, что кто-нибудь из придворных дам хочет испугать его. Он побежал к ней, чтобы схватить ее, но тут узнал, что это белая женщина; ибо она исчезла в глазах его. Он весьма явственно рассмотрел ее, даже мог различить складки на покрывале и сквозь оное видеть лицо ее. Из нее блистал слабый свет.

Во время трех великих праздников она обыкновению также является. Вообще ее видят ночью; но часто и при полном сиянии солнца. — Почти за триста с половиною лет, она в первый раз явилась в Нейгауском замке, что в Богемии, и после того показывалась очень часто. Многократно видали, и притом в самый полдень, как она выглядывала из окна верхней, необитаемой башни замка. Она была вся в белом, имела на голове вдовье покрывало с большими бантами, была высокого роста, и черты лица ее показывали благонравность. Само собою разумеется, что она при жизни была Католического вероисповедания; ибо, за триста лет с половиною, в Германии не было еще другого.

Известны два только следующие примера, что она говорила. Одна знаменитая Княгиня вошла в уборную комнату с своею служанкою, чтобы примерить новый наряд, и когда она спросила ее: который час? то вдруг из-за ширм вышла белая женщина и отвечала: «Десять часов, милостивая Государыня!». Княгиня, как легко можно себе представить, чрезвычайно испугалась. Спустя несколько недель, она занемогла и умерла.

В Декабре 1628 года явилась она в Берлине; и там слышали также, как она произнесла следующие Латинские слова: *Veni, judica vivos et mortuos; judicium mihi adhuc superest*, то есть: *приди, суди живых и мертвых — мне еще предстоит суд*. — Из многих и различных явлений сего духа можно сообщить еще одно, которое в особенности достойно замечания.

В Нейгаузе, что в Богемии, есть один старинный обычай, по которому в великий четверток раздается в замке дворца бедным так называемая *сладкая каша*. — Сие кушанье приготавливалось из огородных овощей с медом. — Потом давали им пива, сколько кто хотел, и сверх того каждому по семи кренделей. Часто приходили в сей день многие тысячи бедных, и все они таким образом бывали накормлены. — Когда Шведы, покорив в тридцатилетнюю войну город и замок, не сделали сего пира, то белая женщина так начала сердиться и такое производить смятение, что живущие в замке не могли долее сего сносить. Стража была рассеваема и невидимою силою повергаема на землю; часовым встречались различные странные привидения; даже офицеры ночью с постели были стаскиваемы на пол. — Когда не могли найти никакого средства помочь сей беде, тогда один из граждан сказал Комендант, что, как бедным не было устроено обыкновенного ежегодного пира, то не угодно ли ему приказать, чтобы немедленно был оный приготовлен. Это было исполнено, и тотчас стало все опять спокойно, и ничего подобного прежнему более не происходило.

Что белая женщина еще не наслаждается блаженством, это очевидно, ибо тогда она не скиталась бы между нами; но нельзя почесть ее и осужденною, ибо из лица ее сияют благонравная скромность, целомудрие и благочестие, и часто видали, что она приходила в негодование, когда кто приносил против Бога и Религии хульные и непристойные слова. Она даже позволяла себе употреблять в таком случае насилие.

Кто же есть сие достопримечательное таинственное существо? — Полагали, что это Графиня Орламиндская; но известный ученый Иезуит Болуин, трудившийся над тем, чтобы привести это в ясность, наконец из многих актов извлек следующую, весьма вероятную историю о сей белой женщине. В древнем Нейгауском замке в Богемии, между портретами древнейшей и славной Розенберговой Фамилии, нашли один, который совершенно сходен с белою женщиною. Эта особа одета, по тогдашнему обыкновению, в белое

платье, и называется Перхта фон Розенберг. История жизни ее кратко состоит в следующем: она родилась между 1420 и 1430 годами. Отец ее был Ульрих второй, Фон Розенберг, а мать Катерина Варшенберг, умершая 1436 года. Сей Ульрих был Обер-Бург-Графом в Богемии и, по соизволению Папы, главным Предводителем Римско-Католических войск против Гусситов.

Дочь его Перхта, или правильнее *Берта*, в 1449 году вступила в брак с Иоанном Фон Лихтенштейн, богатым Бароном *Штейермаркским*; но, как муж ее вел жизнь развратную, то Берта была весьма несчастна. Ее брачное ложе превратилось в одр плача, и она должна была просить защиты у своих родственников. Не могши забыть причиненных ей оскорблений и притеснений, она с сим непримиримым расположением оставила сей мир. Но прежде еще смерти ее сей несчастный брак был уже расторгнут смертью ее мужа, и она отправилась к своему брату Генриху Четвертому, который вступил в правление 1451 года и умер в 1457 году, не оставив по себе наследников.

После того Берта жила в Нейгаузе и построила тамошний замок, который стоил великих и многолетних трудов ее подданным. Берта ласковым обращением своим ободряла работавших и даже утешала их тем, что работа приходит к концу, и им исправно будут заплачены деньги. Между прочим она, обыкновенно говаривала им также: «Работайте для ваших Господ, верные подданные, работайте! — Когда замок будет окончен, тогда я вас и всех ваших домашних накормлю *сладкою кашею*». — Так говаривали в то время, желая кого-либо угостить. Осенью кончилось строение замка, и Берта сдержала свое обещание. Она угостила своих подданных великолепным столом и в продолжение одного сказала им: «Для вечного воспоминания вашей верности к вашим Владельцам, каждый год вы будете угощаемы подобным столом. Таким образом, слава вашего усердия будет процветать и в позднем потомстве». — После того Владетели замка нашли приличнейшим делать сей благодетельный для бедных пир в день установления Святой Вечери, что и впоследствии было так исполняемо.

Неизвестно в точности, когда умерла Берта фон Розенберг; по вероятию, под конец пятнадцатого столетия. В разных Богемских замках находятся ее портреты, на которых она представлена в белом вдовьем платье, что также весьма сходно с тем видом, в каком является белая женщина. Во всех сих замках, где живут ее потомки, она весьма часто является; а поелику некоторые особы из ее поколения поступили в замужество в Бранденбургский, Баденский и Дармштатский Домы, то она их и там посещает. Вообще цель ее явлений есть предвозвестить близкую смерть, а иногда предостеречь от какого-либо несчастья; ибо случалось, что и после явления ее никто вскоре не умирал.

См. Теор. науки о дух. Штил.

XXIII

Явление одного Голландца, в самую минуту своей смерти, со товарищам своим

В одном Голландском городе, между разными гражданами учреждено было дружеское вечернее собрание. Сперва, может быть, следуя по совести узаконениям своего клуба, а наконец, по привычке, которая, как известно, еще сильнее совести и закона, они сходились каждый вечер исправно и точно, в назначенное время, в назначенном месте, и с такою же исправностью и точностью расходились, как скоро на деревянных стенных часах, нарочно для сего в зале собрания повешенных, пробьет одиннадцать часов. Таким образом прошло несколько лет, и члены общества, сближаясь время от времени теснее и становясь друг другу необходимее, не отступали никогда от принятого ими правила.

А посему неудивительно, что они соскучились, не видав несколько дней сряду в кругу своем одного сочлена, который жил поблизости того дома, где они собирались, и ко-

торый не мог присутствовать по причине своей болезни.

Однажды, как наступил час расходиться, и обо всех городских и политических новостях довольно наговорились, один из присутствовавших сказал: «Каков-то в здоровье добрый наш старик Р. . . ? — Я слышал, что он сегодня очень дурен, и лекарь отозвался об нем весьма с о м н и т е л ь н о». — Старика Р. . . любили в обществе, а потому такую весть приняли с живым соучастием и тотчас послали слугу наведаться о состоянии больного. Посланный чрез три минуты возвратился с ответом, что он лежит при последнем издыхании. Все испугались, встали с своих мест, подошли друг к другу, хвалили больного и сожалели об нем, каждый по-своему.

Между тем отворяется дверь — и — какой ужас! — бледный, мертвый призрак с померкшими глазами и странными телодвижениями торжественно входит; потом вдруг, как бесчувственный и окаменелый, останавливается на пороге, устремив впалые глаза на собрание! — Не нужно упоминать, что все члены собрания от ужаса лишились языка и движения, и с своей стороны также походили на группу статуй; но то обстоятельство заметить должно, что в оном страшном привидении не могли они не узнать старого Р. . . . Спустя несколько времени сей призрак подходит к столу и занимает то место, на котором он прежде сего обыкновенно саживался в собрании; берет пустую курительную трубку, лежавшую там на столе, и подносит ее ко рту. — В ту минуту начинает бить на деревянных часах одиннадцать; трубка выпадает из рук его и разбивается; привидение сидит, вслушивается, и когда пробило одиннадцать, то оно поднимается и исчезает.

Как скоро члены собрания опомнились, то послали слугу в другой раз к больному. Ответ принесен тот, что больной в эту минуту скончался.

См. Истор. и Статист. Журн.,
Ноябрь 1808.

Поразительное видение Лорда Литтельтона

Один Русский путешественник пишет: За пять миль от Бромсгрова осматривали мы мызу Гоглей, принадлежащую Фамилии Лорда Литтельтона, одну из прелестнейших и великолепнейших в Англии. Но не столько привлекают сюда путешественника весьма приятное местоположение парка и драгоценные картины, сколько любопытство видеть то место, где случилось чудесное явление, оставившее после себя неизгладимые следы — явление, которому в соседстве все верят, как самому истинному событию.

Нас ввели в одну комнату, называемую *Адскою*. — На столе полуобгорелом лежала книжка, в которой описано явление самим Лордом Литтельтоном. — Я с жадностью читал ее, и сообщу здесь существенное ее содержание.

Отец сего Лорда, Георг или Джордж Литтельтон, был один из просвещеннейших мужей в Англии, любитель и покровитель учености, истинный ценитель отличных дарований. Он сам был хороший сочинитель, друг Попа и всех высоких умов того века; но притом был благочестив и набожен без суеверия; верен своему слову, честен и благотворителен; память его доныне благословляется во всей окрестной стране.

Совсем не таков был сын его. Беглость и остроту разума своего он обращал к тому, чтоб во всем находить смешное. К несчастью он свел тесное знакомство с одним развратнейшим молодым человеком, который скоро вовлек его во все пороки и распутства. Для них не было ничего святого: религия признавалась суеверием, честность слабоумием, а веселия и удовольствия, какою бы ценою куплены ни были, единственною целью жизни. Сколько жертв, обольщенных лукавством их, принесено любострастию! Сколько честнейших людей пострадало от их коварства и вероломства!

Естественно, что такие развратники скоро освободили

себя от страха будущей жизни и, по примеру всех вольнодумцев, не верили бессмертию души, а еще менее возмездия по смерти. Ад и Рай считали они мечтою, вымыслом слабых душ. Еще в самых молодых летах шутя дали они один другому торжественное и клятвенное обещание, что кто из них прежде умрет, тот должен явиться другому, оставшемуся в живых, и известить его, есть ли жизнь по смерти, есть ли Ад и Рай. Клятву сию запечатлели они, подписав ее кровью своею.

Прошло после сего много лет, проведенных в пороках и злодеяниях всякого рода. Наконец друг Лорда Литтлетона умирает, как жертва распутства. Лорд скоро утешился в сей потере рассеянием и веселостями в кругу других подобных ему развратных людей.

«В одну ночь (так продолжает Лорд в своей повести), сидя один в моем кабинете и перебирая бумаги, нашел я нечаянно кровавое то рукописание. В самую ту минуту пламя осветило меня: я увидел пред собою образ умершего друга моего, весь в пламени. С ужасом вскочив, я хотел бежать; но услышал сии слова: *“Я пришел исполнить священный обет, запечатленный моею кровью. Есть Ад! Страшный Ад! . . . Есть Ад развратителям! Есть Ад притеснителям невинности! Есть Ад безбожникам! . . . Увы! Увы!”* —

Сии стенания произнес несчастный друг мой таким ужасным, таким болезненным голосом, что я упал на колена и, подняв руки к небу, воскликнул: “Господи! Господи! буди милостив нам грешным!”

С сею молитвою я повергся на пол. Слуга, услышав мои вопли, вбегает в комнату и видит меня поверженного и дрожащего всеми членами. Он поднимает меня; я устремил взоры на то место, где видел друга моего. — Видение исчезло; но стол, на который он положил руку, пылал. Слуга бросился гасить огонь. — “Бойся! вскричал я ему: это Адский пламень!” Но он, перекрестясь, потушил огонь. Знак от пламенной руки остался на столе неизгладим».

И в самом деле, на столе виден знак, как бы прожженный огненною рукою. — Станем продолжать повесть.

«Сие ужасное явление так сильно поразило меня, что я впал в жестокую горячку. В бреду мне только мечтался Ад со всеми его муками; страдание мое было ужасно; с трудом я оправился.

С того времени я оглянулся на себя и ужаснулся той бездны, в которую злодеяния мои меня повергли. Быв сам на краю гроба, я почувствовал, что жизнь наша здесь на земле скоропреходяща, а там ожидает нас. . . . Боже! отврати и от меня ту казнь, какая ожидает злодеев по смерти! — Да не забуду никогда, что *есть Ад!* — *Страшный Ад!*»

Здесь оканчивается собственное повествование Лорда Литтлельтона. В конце приписано духовником его следующее дополнение: «Страшное сие явление никогда не выходило из его памяти. Он велел изобразить Ад в прозрачной картине и поставил ее в своем кабинете; на оной, вместо подписи, были те слова, которые он слышал из уст несчастного своего друга. Он совершенно переменялся, сделался набожен и боязлив до крайности. Вой собаки, крик ночной птицы, шорох в комнате, собственная его тень пугала его и возвещала ему какое-нибудь несчастье. Он не мог остаться один ни на минуту. Сон его был самый беспокойный; часто вскакивал с ужасом и воплем и устремлялся бежать. Жизнь его была самая мучительная. Только утешения веры облегчали страдания его и успокаивали его на время.

В один день представилось ему, будто он видит тень девицы, которую обольстил в молодые лета. Она предсказала ему, что он умрет в седьмой день. С ужасом бросился он из комнаты; никакие утешения не могли его успокоить: воображение его так сильно поражено было, что он почитал смерть свою неизбежною; и действительно, в седьмой день умер».

См. Дух. Журн. 1816, No. 8.

*Необыкновенное приключение, бывшее в Москве,
в конце прошедшего столетия, с Г-м К... ,
Русским ученым*, и им самим описанное*

Начало моей болезни было следующим образом.

Сперва чувствовал я попеременно небольшой озноб и жар; трое суток продолжалась бессонница. Потом начался в ушах шум, и с умножением жара умножался, так что сделался наконец некоторым тонким, но вразумительным голосом, который повторял мне непрестанно: *берегись, и покайся!* Я ужаснулся сего повторения и не знал, что это значит; старался быть всегда между людьми, разговаривать и, сколько можно, принимать на себя веселый вид. Все было тщетно. На четвертую ночь сей голос столь уже был внятен, что поверг меня в недоумение и задумчивость, и заставил помышлять о смерти. Не лишась бодрости и памяти, я однакож спросил: чей это голос? Ответствовано: *Я твой Ангел-Хранитель!* Засветив огонь, стал я читать Горация; но мне сказано, чтобы я его бросил. Я взял некоторую духовную Латинскую книгу и читал ее с полчаса; голос же Ангела Хранителя предупреждал всегда мои слова и мысли, и где я ошибался, поправлял меня. Вдруг с левой стороны послышались голоса, устрашающие меня, злословящие Бога. Я упал на колена; часа четыре, с малым только отдох-

* Как сообщает поэт и критик М. А. Дмитриев в мемуарах «Мелочи моей памяти» (М., 1869), «этот русский ученый К... — наш переводчик Илиады, Ермил Иванович Костров. Не любопытствует ли кто прочесть это необыкновенное приключение? — Кто хочет, может принять его за бред, а кто хочет, может принять за истину. Но и бред такого рода остается замечательным. Я знаю только, что оно описано действительно самим Костровым. Хотя он и был поэт, но не отличался слишком живым воображением. А обмана нельзя ожидать от такого простодушного человека!» (Прим. ред.).

вением, молился Богу, и пот с меня тек рекою. Во время молитвы, страшные голоса были слышны уже вдалеке, а голос утешительный, становясь громче, ободрял меня неперестанно. Когда я ложился, чтобы отдохнуть, то грозные голоса мало-помалу приближались, а голос утешительный повелевал мне опять молиться. Это продолжалось две ночи; мне пустили кровь. Задумчивость моя сделалась всем приметна. Вместо того, что я прежде был первым зачинщиком шуток и различных проказ, я стал убегать тех обществ, где могли быть речи нескромные и противные слуху,

Следующую ночь я совсем не ложился спать. Все умножилось. Что я ни делал: начну ли читать, стану ли ходить, сяду ли — все, даже самое малейшее движение руки, было хулимо со стороны левой. Нерешительность и недоумение овладели мною. Сего ужаса не можно вообразить. Я, стоя на коленях, молился и неперестанно вопил: *Боже! очисти мя грешного!* Живущие со мною ужасались, и старались отвлечь меня от молитвы, а мне это было весьма прискорбно, потому что я только в одной молитве и находил утешение. Стали говорить, что я с ума сошел; однако я сам сходил за священником и исповедался. После сего восчувствовал я некоторое спокойствие и лег на постелю. Страшные голоса ругали меня из всей силы. Голос утешительный повелевал мне их презирать и на них плевать; от чего у нас произошла превеликая брань. Они исчисляли мне все мои грехи и самые их обстоятельства и минуты; но я, по повелению утешительного голоса, противопоставлял им милосердие Божие. — Вдруг начали у меня холодеть ноги с самых пят, и сей холод простирался почти до самого сердца; в сие же время слышно было неизвестное унылое пение, повелевающее вязать меня узами смерти. Непрестанно вопия: *Боже! очисти мя грешного!* притом бия себя в грудь и проливая слезы, привел я в ужас и сожаление всех предстоящих. Голос повелевал смертным орудием коснуться к моему сердцу. Я ожидал уже смерти; но сего не последовало. Потом вдруг восстал ужасный шум. Голос утешительный сказал мне, чтобы я принял всевозможную крепость духа и памяти, и что я вступаю в самый страшный подвиг противу Князя тьмы;

повелел мне вооружиться молитвою, и обещал помогать мне невидимым своим присутствием и советами. В самом деле, душегубец воскликнул зверским ревом: *Он должен быть наш!* Тогда все кости мои вострепетали и как бы хотели выскочить из тела. Ах! могу ли изобразить сей суд! Я узнал тогда, что при смерти можно более согрешить, нежели во всю жизнь. Сперва сказали: *гордости грех есть смертный грех!* и сие повторяли раз тысячу или, может быть, столько, сколько раз приходило мне на мысль, или сколько самым делом исполнено мною сие беззаконие. Таким образом, по порядку все мои действия, слова, помыслы и намерения ими исчислены и повторены многократно. Я удивлялся беспредельной памяти злых духов. Когда, ужасаясь, приходил я в отчаяние, они писали: *отчаяния грех есть смертный грех*; когда же, напротив, уповал на милосердие Божие, они писали: *излишнего упования грех есть непостыдный грех*. Итак, вообразите, что мне было делать! Однако голос утешительный непрестанно ободрял меня к молитве; и я так утомился, что, не могши стоять на коленях, упал на пол. Товарищи мои подкладывали мне подушки или хотели меня положить на постелю, но я все отвергал, потому что утешительный голос, еще яснее говоря со мною, всегда увещевал меня к тому. Страшный шум несколько уменьшился. Я встал, оделся, и, вопреки усилиям моих сотоварищей, пошел с ними в церковь. Это было в среду на первой неделе великого поста, и народу в церкви было множество. Я стал на правой стороне, против образа Святителя Димитрия Ростовского, и непрестанно молился в землю. Народ на меня обратился; одни мне смеялись, а другие говорили: ах, как он жалок! Но сам я чувствовал в себе услаждение: утешительный голос повелевал мне не стыдиться. По окончании литургии, приложился я к образам и, пришедши домой, лег на постелю. Какому надлежало быть во мне жару! Четыре ночи не спать, быть всегда в поту и ходишь по морозу! Вся кровь во мне кипела. Час спуская, почувствовал я прохладу; утешительный голос беседовал со мною, и я двигал устами, отвечая ему тихо. Тогда-то подумали все, что я обезумел: и нельзя не подумать!

Но вдруг сей же самый голос возвестил мне, *что милосердие грядет меня судить и простить*. Я, восхищенный радостью, начал вслух читать молитву к Богу, которую влияли в уста мои восторг и благодарность. Предстоящие, слыша сию молитву, пришли в изумление, и шептали между собою, что я еще не сошел с ума: это показалось мне смешно. Я, однако, скоро опять уверил их, что я безумен; ибо, услышав *сладчайший глас прощения*, восчувствовал себя вне себя. Утешительный голос говорил мне, имею ли я столько усердия и веры, чтобы не стыдясь принести пред всеми покаяние в своих грехах. Я, не стыдясь нимало, велегласно пред всеми исповедался во всем. В сии-то минуты все уже точно уверились, что я безумен, и смеялись между собою. Я, напротив того, столько был весел и доволен, что нимало не чувствовал жестокости болезни, которая была чрезмерна. Тогда утешительный голос повелел мне, как восчувствовавшему всю истину Христианския веры, изъясниться пред всеми, как безумен Вольтер и все его последователи; что я и исполнил, ругая притом одного сотоварища своего, который вольнодумствовал и обожал Вольтера. Но вот что удивительно: сотоварищ сей и доныне еще жив; однако душа его отвечала мне тогда, что она мучится в аде, и что каждое мое слово жжет ее новым пламенем. После сего утешительный голос повелел мне воздать благодарность моим благодетелям. Я читал благодарственную и похвальную речь. Слова мои столько были порядочны и разумны, что слушатели опять перестали было почитать меня безумным. Но я тотчас переменял их мысли. Жар во мне опять начал возобновляться; я каждого, приходящего ко мне, поздравлял стихами и разговаривал стихами же; наконец, от сильного жара, начал я на постели биться, не теряя, впрочем, памяти. Пять человек не могли меня удержать. Приехал Доктор Г. . . . и начал щупать у меня пульс; но я, желая умереть, вступил с ним в спор и доказывал ему, что один Тот знает все движения и действия человеческого тела, Кто его составил. Он прописал мне лекарство и уехал. После него прибыл другой Доктор, Господин З . . . , и я сделал ему приветствие стихами. День сей прошел; наступила ночь. Я

немного успокоился. Мне опять пустили кровь, приложили шпанские мухи и к пятам привязали горчицу. Это я помню, как во сне, потому что чрезвычайно был утомлен. Еще заснул часа на два и пробудился. Страшные голоса слышны были издалека; но голоса утешительные разговаривали со мною. Я сделался отважнее и предлагал разные вопросы. Ничего не может быть приятнее сих разговоров! Меня они называли братом, а себя велели называть сестрами; но почему — причины мне не изъяснили и даже назвали меня не кстати любопытным. Они показывали мне Ангельские свои одеяния, которые были блистательнее лучей солнечных. Я целовал оные, а сотоварищи мои старались удерживать меня от того. Души усопших тут же со мною разговаривали. Иные сказывали, что они в блаженном месте; а другие, напротив, что они в месте злополучном. Последние прибавляли еще к тому, что *ад повсюду* и что они странствуют с места на место, будучи терзаемы мучительною совестью и друг друга укоряя.

Утешительные голоса спросили у меня, приятна ли мне жизнь в семействе. Я отвечал, что желаю умереть. Вдруг некоторый *сладчайший* голос произнес ко мне сии слова: *окропляется!* потом: *освящается!* наконец: *обручается!* Каждое из сих слов повторено было многократно. Нельзя не быть в восторге при таких словах! И подлинно, утешительные голоса сказали мне, что я хотя на земле, но в самом деле нахожусь близь *Эмпирея*. Сколь удивительно воображение человеческое! Я слышал обращение всех небесных светил, составляющих Сладостную музыку. Иные воспевали: Свят, Свят Господь Саваоф! Иные же: Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе! Мне сказано, что Сын Божий чрез мачование Своего перста управляет бегом всех планет. Я вышел на улицу, и видел больше семи солнцев; указывал своим товарищам, но они одно только видели. Наконец все стало мало-помалу уничтожаться. Утешительные голоса требовали от меня клятвы, что я буду впредь жить добродетельнее. Я им клялся пред образом и поцеловал его. Они воспели торжественную песнь, поздравляли меня и поцеловали. Прикосновение сего лобзания описать я не могу. Радост-

ные слезы потекли у меня рекою; сердце мое согрелось неизвестным пламенем; я весь был тогда одно только чувствование.

Получено от о д н о й достоверной особы.

XXVI

Три достопамятных случая из жизни Г-на Сведенборга

Первое приключение произошло в Стокгольме. От Г-жи Мартевиль, вдовы Голландского Посланника при Шведском дворе, родственники одного золотых дед мастера потребовали по смерти мужа ее недоплаченных денег за сделанный для него серебряный сервиз. Г-жа Мартевиль, зная, что муж ее всегда наблюдал большой порядок в своих делах, была уверена, что этот долг, без сомнения, еще при жизни его был вполне заплачен; но она не находила никакого письменного тому доказательства между оставшимися после него бумагами. Посему она прибегла к Г-ну Сведенборгу, открыла ему свое беспокойство и просила его узнать от духа покойного ее мужа, справедливо ли помянутое требование или нет. Г-н Сведенборг обещал это исполнить, и чрез несколько дней принес Г-же Мартевиль ответ, что в одном шкафе, который он описал ей и из которого, как она думала, все уже было выбрано, находится еще один потаенный ящик, где лежит расписка золотых дел мастера в получении денег. По его описанию тотчас стали искать и нашли, вместе с тайною Голландскою перепиской, нужную расписку, по которой уничтожены были все вышесказанные требования.

Другое приключение состоит в том, что он увидел пожар, бывший на великом от него расстоянии. Когда Г-н Сведенборг, в конце 1759 года возвращаясь из Англии, око-

ло полудня вышел на берег при Готенбурге, то вскоре потом, с большим смущением, сказал бывшим с ним, что в эту самую минуту в Стокгольме в *Зюдермальме* свирепствует ужасный пожар. По прошествии же нескольких часов стал он уверять, что пожар значительно утих, и даже сказал именно, как далеко он простирался. Через три дня слова его были совершенно оправданы известиями, полученными с прибывшею из Стокгольма почтою.

Третье приключение, случившееся в 1763 году, есть важнейшее. Г-н Сведенборг был призван к Ее Величеству, ныне вдовствующей Королеве Шведской; к чему поводом послужила всеобщая молва, что он имеет самое короткое обхождение с духами или с душами покойников, — молва, которая Королеве казалась невероятною. После нескольких вопросов, поручила она ему спросить покойного ее брата, Королевско-Прусского Принца Вильгельма, об одном разговоре, который она некогда имела с ним в Шарлоттенбурге, близ Берлина, и о котором никто не знал, кроме нее и покойного Принца. При этом Королева сказала ему, что если он принесет ей из мира духов настоящий ответ, то она тогда поверит ему, что он может разговаривать с духами. Через несколько дней Г-н Сведенборг явился к Ее Величеству и рассказал, от слова до слова, оный тайный разговор, так что она пришла в величайшее изумление и принуждена была признаться, что он от покойного брата ее узнал все, даже малейшие подробности сего разговора, которых никто из живых людей не мог ему пересказать. — Сие приключение взято из уведомления, присланного от одного Посланника при Шведском дворе, бывшего тому свидетелем, к другому чужестранному Посланнику в Копенгагене, и совершенно согласно с сведениями, которые нарочно стались о том собрать.

См. Предисл. к книге: О Неб. и Ад., 1784.

XVII

Странное приключение с одним французским Дворянином

Г. Флоренвилль, дворянин Французский, однажды привез к себе в замок Михаила Нострадамуса, чтобы он помог жене его, которая была больна. А как Нострадамус известен был не только за врача, но и за Астролога, то Г. Флоренвилль, прогуливаясь с ним по заднему двору своего замка, разговаривал о разных предсказаниях и, встретив двух поросят, из которых один был белой, а другой черной шерсти, захотел испытать Нострадамуса. Он спросил у него, какая участь ожидает сих двух бедных животных. Нострадамус отвечал, что черного приготовят для его стола, а белого съест волк. Г. Флоренвилль, который умышленно предложил сей вопрос и полагал наверное, что от него зависеть будет исполнение или неисполнение сего предсказания, возвратившись домой, призвал к себе повара и тайно приказал ему зажарить к ужину белого поросенка. Повар, получив приказание сие, тотчас убил того поросенка, заправил его, как следовало, и вздел на вертел, чтобы зажарить, когда придет время. Между тем, по надобности вышел из кухни; а волчонок, которого дома выкармливали и хотели приучить, вошел после него в кухню и, увидев приготовленного поросенка, удобно для себя лежащего, принялся его есть. Он съел уже обе задние части, когда повар возвратился в кухню. Встревожен будучи сим случаем и опасаясь выговора от своего господина, он, чтобы поправить это, тотчас схватил черного поросенка, убил его и, зажарив, отправил к ужину на стол. Когда гости сели по местам своим, то Г. Флоренвилль, не знавший ничего из происходившего в кухне и нимало не сомневавшийся в победе над Нострадамусом, сказал ему с видом полной уверенности, что сейчас будут подавать белого поросенка и что волку не видать его. Нострадамус отвечал ему, что он не так думает; а напротив,

уверен , что они будут есть черного. Тогда Г. Флоренвилль, все еще ничего не подозревая, немедленно посылает слугу и приказывает своему повару принести черного поросенка, дабы тем торжественнее пристыдить предсказателя. Но как удивился он, когда услышал от своего повара об участи, которую имели оба поросенка и которая послужила только к большей чести предсказателю. Приключение сие разнеслось потом по всему Государству.

См. Жизнь и дух. завещ. Нострадамуса.
Париж, 1789 , в 8.

Примеч. Михаил Нострадамус жил в начале XVI столетия и был родом из Прованса.

XXVIII

Необыкновенное приключение с одним Русским крестьянином

Крестьянин Симеон Федотов, имевший от рождения 25 лет и женатый на крестьянке Анне Ивановой, в 1788-м году поутру в самое заговенье перед Рождественским постом поехал в лес за нарубленными дровами и, нажав тяжелый воз, возвращался домой; но на дурном месте дороги, хотевши поддержать свой воз, падением оного так сильно ушибен, что оба бедра его совсем были раздавлены, спинная кость свихнута и одна нога вывернута, и он без памяти привезен был товарищами домой. В сей тяжелой болезни мог он, с помощью привязанного к потолку пояса, поворачивать только грудь, ноги же и спину поворачивали другие. В таком положении лежал он 7 недель. Четверо таскали его в печь и парили, однако без пользы; мазали потом можжевеловым маслом, и прислан был цирюльник, чтобы пустить кровь; но больной на это не хотел согласиться, говоря, что

пускание крови ему не поможет. После того, хотя он и мог таскаться на костылях, однако все не владел ногами и был весьма слаб. Управитель послал его в город к лекарю, который, осмотрев переломленную ногу и найдя ее заросшею уже хрящом, а спинную кость поврежденною, отказался лечить и решительно объявил ему, что он никогда не будет иметь ноги и спины прямыми. Во время сей болезни жена, наскучив им, хотела было отравить его; но, по сделанному на нее доносу, сама в том призналась, была дома наказана и от мужа прощена.

В самое масляничное заговенье, на заутрени, т. е. на рассвете или, по-крестьянски, в *поддымки*, сделалось ему крайне тяжело; он почувствовал во всем теле такое расслабление, что не мог двинуть пальцем. Скоро потом увидел, на левой стороне в головах у себя, двух юношей ростом с семилетних детей, в длинных платьях, так сияющих, как луч солнечный; но что было у них на головах, того не приметил. Лица их были прекраснейшие, а сами без крыльев. Сии юноши стояли, ничего не говоря, только миловидно на него глядели. Больной испугался и почел в мысли своей, что приходит его конец. Он сказал отцу своему: «Батюшка! ступай скорее по священника причастить меня; кончина моя пришла; и застанет, либо нет». Отец, усмотря его слабость, спрашивал у него, что с ним; но он уже не мог отвечать и остался без языка. Когда отец поспешил отправиться за священником, тогда два сказанные юноши, взяв больного под обе руки, повели его, казалось, вон из избы; он видел себя точно так, как был, т. е. в одной рубашке и с скрюченною ногою. В то же время показался ему обыкновенный ясный дневной свет; но потом чрез минуту перешел он к *вечному дому*, где уже свет был гораздо ярче. На сем кратком пути, в левой стороне, юноши показали ему мытарей, кои стояли по два, одни других повыше, числом около 20, как бы на лестнице. Юноши сказали ему: — «Тут мы водим души грешные, которых сии мытари у нас отбивают, так что у иной души грешной и нам не можно стоять: Царя небесного прогневаешь». Мытари показались ему в человеческом виде, с ужасными и безобразными лицами и с ро-

гами, и были столь страшны, что, по его словам, если бы увидел их кто здесь живущий, то в то же бы мгновение от страха умер. Сей *вечный дом* почитается *Храмом Божиим*; повыше над ним великое сияние и многие вечные, пресветлые жилища. Возле сего храма множество гуляющих в *рясах Божиих* зеленого цвета. Они питаются благовонием воздуха, который называется там *Благодатью Духа Святого*; столь там радостно, как здесь у обедни в Светлое Воскресение. Юноши показали ему Священника, который гулял возле храма; на нем были обыкновенные священнические одежды золотого цвета с разными или со всякими цветами. Священник сей был стар, с русою бородою. О сем Священнике сказали ему, что он совершает службу в храме Господнем всякое воскресение, и что все, тут Живущие, ходят к службе. *Храм Господень*, внутрь которого он не был введен, был великого пространства, а вышиною подобен здешним церквям. На нем стоял *крест*. В правой стороне храма виделось вышеупомянутое великое сияние, о коем он не знает, что оно такое; в левой же стороне храма пониже был сад без ограды; в нем находились младенцы крещенные. Юноши сказали: «Здесь младенцы крещенные до 7-летнего возраста; им тут быть определено». Ниже сего был сад же, но потемнее; в нем живут некрещенные младенцы. На окружающих сии места лугах гуляют многие, между коими ходит сам-пят некоторый Петербургский господин; прочие четверо, его бывшие слуги. О сем господине юноши сказали ему, что они все пятеро, согласясь, постились, ели один хлеб, носили власяницы, а в обуви ежовую кожу, и в полтора года получили здесь покой; они вместе умерли, тому полтора года уже лет. Потом повели его вниз ниже места некрещенных младенцев в *сумрачное царство*, где такой свет, как по захождении солнца бывает здесь в сумрачный день. Там все лежат на лугу; в чем одеты не знает; им нет муки, нет и света; только ходят по воскресеньям молиться, а куда, ему не показано. Тут же есть разноцветные огни и что-то кипящее, о чем ему сказано так: здесь некоторые без муки, другие же в муке. Чрез это *сумрачное царство* привели его к *огненной реке*; она так широка, что другого ее бе-

рега не видно. Огонь сей реки, сказывал он, как будто глядит на человека, и подобен обыкновенному печному огню, только очень жарок, и нельзя, по его словам, на версту к нему подойти. Он чувствовал, что ему жарко было. Юноши при этом сказали ему: «Нельзя ближе подойти». Ибо де хотя мы и Ангелы, но сего огня боимся и не можем в нем помогать грешному, страшась гнева Божия. В *огненной сей реке* указали чернокнижников, ростовщиков, убийц; однакож крещенные из них находились отдельно от некрещенных. Там ему показывали также цыганок, кои, яко душегубцы, мучатся. Те, которые стоят по шею в огне сем, ужасными голосами вопиют: «Истинный Владыка Царь Небесный, долго ли маяться?» — Тех же, кои на дне глубоко находятся, совсем не слышно. Там и самоубийцы. — Ему сказано: «Напрасно говорят сии слова: потребил душу. Душа не потребляется, не убивается, а потребляется только тело; душа же, где бы ни умер человек, будет здесь». — За *сумрачным царством к огненной реке* стоит великий железный тын, к которому свет приходит в отсвечиваниях огня реки сей; тут люди поднимают беспрестанно один конец сего тына, между тем как другой опять упадает. При них находятся другие, коим легче сих работников: они гоняют тех с одного конца на другой, дабы подымали упдающий тын. Страждут же за одно слово: *здесь бы мне сладко в богатстве и славе, а там де мною хоть тын подопри!* От сей речи Ангел углем чернеет, когда оную скажут. С сих работников пот льется, как кровь. В чем они одеты, за великим расстоянием не мог он видеть. За рекою находится *страна тьмы*, где, сказано, живут люди, не наблюдавшие закона, которые не почитали за грех совокупляться с мачехою, с сестрою и проч. По сем водители обратились назад левее; шли по другим уже местам; и, перешед опять *сумрачное царство*, показали между оным и Раем, или *Царством Небесным*, страну, в которой жесточайшая стужа. Там издали видел он привязанного к столбу человека в одной рубаше, который, дрожа, кричит: «Господи! озяб я, издрог, долго ли маяться?» Юноши сказали, что он страждет за то, что, бывши богат, гонял нищих и не давал им ничего. Видел еще

торое строится для шестерых, в М живущих, из коих об одном только крестьянине сказано, что он подает великую милостину, и что здание сие строят ему благословения и желание ему Царствия Небесного тех, кои от него принимают ; о прочих же пятерых , кто они таковы и за что тут будут, ничего не сказано. Потом опять было показано ему место, где, на удивление другим, поставлен столп, ежовой шкурою до половины обитый, а внизу столпа раскаленные гвозди; это готовится крестьянину В уезда, села К . . . или деревни, не знает — готовится за то, что он, питаясь с семейством своим хорошою пищею, одной из 3-х невесток своих, которую не любит, дает оглодки и корки; а она плачет, благодарит Бога и никому не рассказывает. Сей крестьянин, по смерти, приведен будет мимо мытарств прямо на сие место его муки. Тут же сидит женщина на креслах, и ее терзают змеи, ужи, ящерицы и лягушки за то, что, обещавшись быть девицею, не соблюла обета и вышла замуж. Еще какому-то неизвестному К приказчику поставлено жилище. После сего видел он пятерых человек, лежащих на постелях под одеялами за то, что невинно казнены смертью; им можно лежать, но не можно ходить. — Тут толковали ему о мудрости, ко вреду на земле употребляемой, по которой иные чародействуют: продают такие хлебные семена, кои в два года приходят, а в третий пропадают; обманывают в мерах; и что за это и за прочее бывает. Для примера показали ему, близ страны некрещеных младенцев, женщину на стуле горящую за то, что, по ненависти, первый удой коровы изжарила и вылила в навоз, от чего корова иссохла и умерла; при сем сказано, что за мучение бессловесных животных много потерпят. Еще показан был крестьянин, который путал ноги чужих лошадей для того, чтобы их тем портить и стирать щетки, дабы к езде сделать неспособными; он томился тем, что череп его стягивали конскими волосами. Наконец, юноши ему говорили: «Раб Симеон! скажи, чтобы не клеветали и не ябедничали; не перекрещивались; чтоб любили Бога и ближнего». Толковали также, что Господь хочет, чтобы все шли в рай; но не идут сами, и что как скоро человек обратится на истинный

путь и покается, то Господь покрывает тогда все грехи его; но что иные и каются, однакож в покаянии лицемерят; оттого Господь и не приемлет покаяния. Далее толковали, чтоб народ о том не судил, кто как умирает; что о смерти человека ни Ангел и не знают, а ведаёт о сем один Бог; что Господь не радуется тому, когда люди идут во тьму, но прощает скоро и убийцу обращающегося; что все игры, которые обыкновенно бывают в великие праздники, не от Бога, но от диавола изобретены, в ругательство святости Божией; что Бог не определил (не пишет на роду) никому смерти ни от качелей, ни от пьянства, ни от самоубийства; и что души умирающих от сего прямо ввергаются во глубину *огненной реки*.

Потом повели его как будто под гору; свет убавлялся и сделался таков же, как наш; они как бы сунули его с горы; он почувствовал холод, как бы морозом его ошибло; опомнился в самый обед, встал на ноги и сделался здоров. Спинные кости и ноги стали совсем прямыми; внутренние глаза его открылись; он видел грешных людей черными, как смоль; а на тех, кои лучшей жизни, здоровый алый цвет. Тот священник, который с благоговейными мыслями служит, светел в лице и слова его благоуханны, как *малина*; а грешный и неблагоговейный черен и так, как бы нес великую на себе тяжесть. Он видел на торгу крестьянина, у которого змей висит, как жернов, на шее за то, что он обещался давать милостыню и давал; но перестал и впал в скудость, послушавшись совета других, которые говорили ему: «Что ты раздаешь; ты сам будешь нищий». В этом сам он признавался ему, хотя Симеон и не сказывал, что он видит на нем, а спросил только, отчего ему тяжело. — Ему не приказано сказывать о трех вещах, о коих, говорит, и думать он боится; и когда спрашивали, то он говорит, что и спрашивать о сем грех. Лучше, говорит он, дам я себя сжечь на костре; лучше увижу отца моего и мать сожигаемых, нежели скажу то, что мне не велено сказывать. Да хотя бы я и захотел кому сказать о том, так язык у меня не поворотится и слов не сыщу в себе. Когда спрашивали у него, для чего он, увидев Ангелов и подумав, что конец его пришел, не

сказал отцу, что видит, то он отвечал: «Мне дано было только то сказать, что я сказал, а прочее и хотел я сказать, но не мог выговорить. Ангелы, когда повели его, сказали ему, что они опять его приведут назад, показавши то, что Бог открыть повелел. Также сказывал он: «У меня и поныне такая смелость говоришь о том, что мне приказано, что если бы и палаш висел над моею шеею, я и тогда говорил бы без страха». Когда спросили его, скажи хотя это: те три неизрекаемые вещи, злые ли или добрые? Тогда он переменился в лице, робел и говорил: «Грех о них и думать». Один из его начальников, вскоре после его выздоровления, принуждал его сказать, какие то были вещи; он, долго противившись, наконец сказал: «Изволь, быть так, я тебе скажу о них; но знай и верь, что я и ты, как скоро я выговорю их, умрем в ту же минуту». Это испугало спрашивавшего, который, не желая так скоро умереть, оставил свое любопытство.

Когда происходило сие видение, тогда тело его лежало бездыханно, без всяких знаков жизни, трое суток; оставалось только движение пальцев, а потому и медлили его погребать.

Господин его находился тогда в тех деревнях и, узнав о сем, призывал к себе крестьянина своего Симеона; расспрашивал, но не хотел всего слушать, а отнес это к бреду, бывающему в горячке, почему и велел ему пустить кровь из правой руки; он, хотя и не хотел этого, однакож должен был повиноваться. Это не лишило его упомянутого зрения. После сего он, по свидетельству управителя тех деревень, жил, упражняясь в молитве и почти всякую ночь ходя тайно на паперть церковную, отстоящую от его деревни в полуторе версте, куда брал с собою товарища, молодого крестьянина Конона; но когда о том узнали, то ему стали препятствовать и даже гнать до того, что хотели отдашь в рекруты.

По совету родня, отца и матери, говоривших ему, чтобы он жил с женою и ее довел бы ее до распутства, он, долго колебавшись сам с собою, наконец послушался их, и в тот же день лишился духовного зрения, что случилось 1789 года в Августе месяце. Восчувствовав сию потерю, сожалел он

о сем и раскаивался, почитал великим грехом свой поступок; и потому, согласившись с упомянутым Копоном, пошел в Октябре месяце в лес, в самое пустое место; там во рве вырыли они себе пещеру. С ними были топор и заступ; они нарубили дерев и сделали в пещере сруб, где и жили три недели и пять дней, упражняясь в молитве с коленопреклонением. Пища их во все сие время состояла в льняной избоине, которую дал им крестьянин, приезжавший в лес за хворостом; сверх того, другой крестьянин дал им 20 реп. Когда же ничего у них не осталось, то они ели липовый лист. В первые шесть дней пребывания в сей избушке, слышали они над собою многих кузнецов, кующих железо с великим стуком, чем крайне были испуганы. Во все сии три недели выходили вон только три раза и, к удивлению, не имели даже нужды в телесных извержениях. О всем этом Симеон не сказывал до тех пор, пока услышали оное от управителя, который и приказал ему то подтвердить; но и тогда просил, чтобы сего не писать, дабы не привести в огласку.

Все сие приключение написано с слов самого крестьянина и сообщено достоверною особою.

XXIX

Достопримечательный случай, описанный известным Литератором Лагарпом

«Мне это так живо представляется, говорит Лагарп, как бы это вчера было, хотя оно происходило еще в начале 1788 года. Были мы на обеде у одного из наших товарищей

по Академии, знатного и остроумного человека. Общество было многочисленное и избранное из всех состояний; тут были придворные, судьи, ученые, академики и проч. В такой компании, за сытным столом, все были веселы, как обыкновенно водится; а за десертом Мальвуазье и Капское придали еще более веселости и умножили ту вольность, которая не всегда удерживается в надлежащих пределах. Разговор оживился до того, что всякому свободно было говорить, что хочет, лишь бы оно было забавно. Шамфор прочитал нам некоторые из своих безбожных и соблазнительных повестей, и Дамы слушали их, не закрываясь опахалом. За сим полились рекою насмешки над религиею. Один приводил места из Дидерота, другой из Вольтера и подобных им писателей, и все плескали руками в знак одобрения; третий, встав и подняв вверх полный стакан, кричал: «Так, Государи мои, я столько же уверен, что нет Бога, сколько уверен, что Гомер глуп». И в самом деле, сей человек был уверен в том и другом. Потом стали говорить о Гомере и о Боге, и были гости, которые говорили доброе и о том, и о другом.

Разговор сделался поважнее. Стали рассуждать с удивлением о революции, произведенной в умах Вольтером, и соглашались, что это есть драгоценнейшее перло в венце его славы. Он дал тон своему веку; он так писал, что его читают и в передних так же, как и в залах. Один из гостей с великим смехом рассказывал, что его парикмахер, пудря его, сказал: «Смотрите, Г. м., хоть я и бедный ремесленник, однако не более имею религии, как и всякой другой. Заключали, что революция непременно воспоследует, и что тогда-то суеверие и фанатизм уступят место Философии; делали выкладки, когда вероятно эпоха сия наступит, и кто из общества их будет так счастлив, что доживет до владычества разума. Старики жалели, что им нельзя тем ласкаться; молодые восхищались надеждою, что доживут до сей радости, и особенно поздравляли Академию, что она приутожила сие великое дело и была главным местом, средоточием, пружиною свободы мыслить.

Один, однакож, из гостей не принимал участия во всех сих веселых разговорах и даже в самых малых шутках. Это был Г. Казот, любезный, оригинальный человек, но, по несчастью, *привязанный к мечтаниям тех, кои верят просвещению свыше**. Он тут вступил в разговор и сказал важным тоном: «Радуйтесь, Государи мои! вы все будете свидетелями этой великой и хвальной революции, которой вы столько желаете. Вы знаете, что я отчасти умею пророчить; так я вам объявляю: вы ее увидите».

Для сего не нужно пророческого дара, отвечали ему.

«Это правда, возразил он; но, может быть, он нужен для того, что я еще намерен сказать вам. Знаете ли вы, Г. м., что произойдет из сей революции, где разум восторжествует над откровенною религиею? Что она принесет вам всем, сколько вас здесь ни есть?»

«Посмотрим, сказал Кондорсет с своею глупою миною философа; не беда встретиться и с Пророком».

«Вы, Господин Кондорсет, продолжал Казот, в подземной тюрьме на полу испустите дух; — вы умрете от яда, который примете, дабы избежать от рук палачей; от яда, который, благодаря наступающим временам, вы принуждены будете всегда носить с собою».

Сначала это произвело великое изумление; но тотчас вспомнили, что добрый Казот иногда и наяву грезит, и стали хохотать. «Г. Казот! сказал один из гостей, басня, которую вы нам рассказываете, не так забавна, как ваш *Влюбленный бес* (*Le Diable amoureux*, роман, сочиненный Казопом). — Какой черт внушил вам мысли о тюрьме, яде и палачах? Что имеют они общего с Философиею и с владычеством разума?»

«Что я вам говорю, продолжал Казот, то верно. Именем Философии, именем человечества, свободы, разума сделается то, что вы получите такой конец; и тогда-то наступит царство разума, который будет иметь храмы: в это вре-

* Сие выражение Лагарпово свидетельствует, что это записано им было до его обращения.

мя в целой Франции не будет других храмов, кроме храмов разума».

«Верно, сказал Шамфор с насмешливою улыбкою, вам не бывать жрецом в сих храмах».

«Надеюсь, что нет, отвечал Казот; но вы, Г. Шамфор, который им будете, и весьма заслуживаете им быть, вы надрежете себе бритвою жилы в 22 местах, и однакож умрете спустя несколько месяцев».

Все взглянули друг на друга и опять захохотали. Казот продолжал: «Вы, Г. Вик д'Азир, вы не надрежете себе жил; но в припадке подагры пустите себе кровь шесть раз в один день, чтоб скорее кончишь жизнь, и ночью умрете».

Вы, Г. Николай! умрете на эшафоте.

Вы, Г. Бальи! на эшафоте.

Вы, Г. Мальзерб! на эшафоте».

«Слава Богу! вскричал Руше; кажется, Г. Казот сердит только на Академию: итак, меня помилует».

«И вы, прервал речь его Казот, умрете также на эшафоте».

«А! закричали со всех сторон, он поклялся всех переморить».

Казот. «Не я». —

«Так кто же? закричали многие голоса; разве мы будем покорены Турками и Татарами, но и тогда . . .»

Он. «Нет, я уже вам сказал: вы находитесь будете под владычеством философии и разума; и те, которые с вами так поступят, будут Философы, будут проповедовать то же, чем вы теперь около часа величаетесь, будут повторять все ваши правила, будут, также как и вы, приводить стихи из Дидерота и Вольтера».

«Он помешался» — шептали друг другу на ухо (ибо он, говоря сие, сохранял вид важный). — «Разве вы не видите, что он шутит? говорили иные; вы знаете, что он во все свои шутки любит вмешивать что-нибудь чудесное». — «Правда! сказал Шамфор; но должно признаться, что его чудесное не очень забавно. Он слитком щедр на виселицы. Когда же все это случится?»

Он. «Не пройдет шести лет, как все, что я вам говорю,

исполнится».

Тут вступил в разговор я сам (рассказывает Лагарп). — «Сколько чудес! сказал я. Не скажете ли и обо мне чего-нибудь?»

«И с вами, отвечал Казот, произойдет нечто, которое по крайней мере столь же будет чудесно: вы сделаетесь Христианином». Тут все захохотали. «Теперь я спокоен! вскричал Шамфор; если нам умереть тогда, когда Лагарп будет Христианином, то мы останемся бессмертны».

«Мы, женщины, счастливы тем, сказала Дюшесса де Граммиш, что нас в революциях за ничто считают».

«Нет, сударыня — отвечал Казот — на этот раз и ваш пол не защитит вас, хотя бы вы ни во что не вмешивались; с вами поступят точно также, как и с мужчинами, не делая в том никакой разницы».

Она. «Что вы говорите нам, Г. Казот? Вы пророчествуете преставление света».

Он. «Этого я не знаю; а знаю, что вы, сударыня, со многими другими Дамами отвезены будете, в телеге палача с завязанными назад руками, на эшафот».

Она. «В таком случае, я надеюсь, по крайней мере, ехать в карете, обитой черным сукном».

Он. «Нет, сударыня! Дамы знатнее вас отвезены будут в телеге палача с завязанными назад руками».

Она. «Знатнее меня! Да кто же? — Разве Принцессы крови?»

Он. «Еще познатнее».

Тут все собрание пришло в смятение; хозяин дому нахмурился; стали говорить, что шутка простирается слишком далеко, и Г-жа Граммон, чтоб замять дело, сказала шутливым тоном: «Вы увидите, что он мне не позволит и последнего утешения: взять с собою Духовника».

Казот отвечал: «Ни вы, ни кто другой не будет иметь его, сударыня. Последний из осужденных, которому из милости дадут его» Тут он приостановился на минуту.

«Кто ж будет этот счастливый смертный, которому окажут такое преимущество?» вскричала Дюшесса.

«Только одно это предпочтение и он иметь будет, отвечал Казот: это будет Король Французский».

Тут все вскочили из-за стола, и хозяин, подошедши к Казоту, сказал ему: «Любезный Казот! эта жалкая шутка довольно долго продолжается, Вы простираете ее слишком далеко и до такой степени, что подвергаете себя и все общество большой опасности!»

Казот хотел уйти; но Г-жа Граммон, которая всячески старалась обратить дело в шутку, желая развеселить общество, подошла к нему и сказала: «Ну, Г-н Пророк! вы предсказали участь всем нам: что ж о своей вы нам не скажете?»

Он замолчал, потупив глаза; потом спросил: «Читали ли вы, сударыня, историю об осаде Иерусалима у Иосифа Флавия?»

Она. «Кто не читал ее? Но рассказывайте, пожалуйста, как бы я ее не читала».

Он. «Хорошо, сударыня! Во время сей осады, один человек ходил семь дней сряду по валу около города в виду осаждающих и осажденных и кричал беспрестанно жалобным голосом: “Горе тебе, Иерусалим! Горе тебе, Иерусалим!” — В седьмый день он вскричал : “Горе Иерусалиму и мне!” и в ту ж минуту огромный камень, брошенный из машин неприятелем, раздробил его. Сказав сие, Казот поклонился и вышел».

Примеч. Известно, что все находившиеся на сем миру точно так кончили жизнь, как предсказал Казот.

См. Сочин. Лагарпа, по смерти его изданные.

Достопамятное видение Катерины Медицис

В пробном листке Минденских ведомостей на 1820 год помещено следующее достопримечательное пророчество, заимствованное из записок Г-на Галльйона (Mешпоигез do Mr. de Haillon), изданных в XVII столетии.

Знаменитый чернокнижник *Ллукка Гаурико*, родом из Флоренции, призван был во Францию Королевою Катериною Медицис. Слух о глубоких сведениях Гаурико в заклинании духов и в других таинствах природы заставил думать сию Государыню, что он может предсказать ей будущую судьбу Франции и царственных ее Владетелей. Многих стоило трудов побудить Гаурико к сему путешествию; однако Королева не щадила ничего, чтобы только удовлетворить своему любопытству. Наконец, чернокнижник был уже в Париже; но прибытие его в сию столицу сохранялось в тайне и одной только Королеве и некоторым из ее приближенных известно было его жилище. Гаурико долго старался отклонить Королеву от ее намерения — долго представлял ей опасность, сопряженную с заклинанием духов; но все было тщетно. Желание ее читать в книге Судеб превозмогало страх. Заклинание назначено было в Луврском дворце.

Когда пробило полночь и городской шум начал утихать, то Королева, сопровождаемая одною только пожилую Штатс-Дамой и старшим из своих Камергеров, тихо пробралась в отдаленную рыцарскую залу. Камергер и Дама должныствовали остаться в ближней комнате и неустрашимая Королева вступила одна в волшебные круги, начертанные чернокнижником. Сей последний снова просил ее отложить свое намерение или, по крайней мере, еще раз испытать себя, имеет ли она довольно мужества, чтобы снести приближение бестелесных существ. Королева была неумолима и понуждала чернокнижника немедленно присту-

пить к делу. Она уже давно имела непреодолимое желание видеть постепенный ряд своих преемников и в особенности узнать, как ее потомство будет распространяться и царствовать во Франции. Гаурико объявил ей, что, согласно с сим желанием, увидит она каждого из последующих Королей в особенности; что все они сидеть будут на троне и в полном блеске своего величия; также, что продолжительность их появления означать будет продолжительность их царствования; тихое исчезание с престола их кончину, а падение с оного насильственную смерть.

Потом начал он свои заклинания. Пол дворца поколебался и из середины залы возник великолепный трон. Муж, одетый порфирию, воссел на оный: это был Генрих II, супруг Екатерины. Но недолго оставался он на престоле и внезапно низвергнулся с оного на пол (последствие подтвердило справедливость сего предсказания: Граф Монгомери без намерения нанес Королю сильную рану на одном турнире, и сей последний от нее скончался). За сим появился Франциск II, старший из сыновей Королевы. Сей также недолго оставался на троне и вскоре исчез с оного без всякого шума. Таким образом один Государь являлся за другим. Некоторые из них пребывали на престоле продолжительнейшее время, иные тихо исчезали с оного, а другие ниспадали с шумом; наконец, какая-то малорослая фигура с великим трудом взошла на трон и Королева невольно воскликнула: «Ах, вот и маленькой Беарнец!» Сие восклицание, неизвестно почему, весьма смутило чернокнижника. Малорослый Король также сидел недолго, и наконец низринулся с шумом. Гаурико продолжал показывать его преемников; но после Людовика XIV, убедительнейше просил Королеву отложить дальнейшее любопытство и удовольствоваться тем, что она уже видела. Он предупреждал, что отныне представятся ей столь ужасные явления, что она не в состоянии будет их снести. Королева была, однакож, непоколебима и хотела видеть все до конца.

После того явился Король, который также недолго был обладателем своего престола. Он вдруг исчез, и за ним представлялся последний из его преемников. Вскоре произошла

жестокая буря; все окна залы дрожали; какая-то враждебная сила низринула Короля с престола, а сей последний превратился в развалины; ужаснейшие чудовища, с ожесточением раздиравшие друг друга, рассекали воздух с диким свистом; сильный запах серы наполнил всю залу, и Королева упала в обморок!» —

Сей отрывок из записок Г-на Галльиона помещен в одной Немецкой книге, изданной в Лемго 1730 года, следовательно, за 60 лет прежде революции. Книга сия сохраняется у Издателя Минденских ведомостей, который и приглашает любопытных сограждан лично удостовериться в справедливости сей статьи.

См. No. 7 Моск. Вед., 1820.

XXXI

Замечательное приключение, случившееся с Французским сочинителем музыки Г-ном Гретри и им самим описанное

Следующее обстоятельство принадлежит к числу горестнейших воспоминаний в моей жизни. Три дочери мои находились во всем цвете молодости и красоты; старшая из них имела 16, вторая 15, а меньшая 14 лет от роду. Все наши знакомые были от них в восхищении. В один зимний вечер поехали они на бал, который давала одна из наших приятельниц. Я сам явился туда же по окончании Итальянской Оперы. Дочери мои были, можно сказать, украшением праздника. Когда я вошел в залу, они танцевали и невольно привлекали все взоры. Жена моя наслаждалась сим торжеством гораздо еще более, нежели они сами. Я подошел к камину; подле меня стоял человек довольно важного вида и не спускал глаз с детей моих. Но он, как казалось, не разделял того искреннего удовольствия, которое

юные их прелести и скромные поступки возбуждали во всем обществе. С наморщенным челом и в глубоком молчании смотрел он на веселые группы танцующих. Вдруг обратился он ко мне с следующими словами: «Милостивый Государь! Не знаете ли вы этих трех девиц?» — Не знаю, почему не хотел я ему сказать, что я их отец, и отвечал довольно сухо: «Мне кажется, что это три сестры». — «И я то же думаю, продолжал он. Около двух часов танцуют они почти без отдыха, и я смотрел на них во все это время. Вы видите, что все от них в восхищении. Нельзя быть прекраснее, милее, скромнее. . . .» Здесь отцовское сердце мое забилося сильнее прежнего: я едва не открыл ему истины; но незнакомец продолжал твердым и как бы прорицательным голосом: «Послушайте ж, Милостивый Государь: чрез три года ни одна из них не останется в живых!» —

Сии слова и торжественный голос его произвели во мне невольное содрогание. Незнакомец тотчас удалился; я хотел за ним последовать, но не чувствовал в себе довольно силы, чтобы сойти с своего места. Я расспрашивал о нем многих из общества. Никто не умел сказать мне его имени и я только узнал, что он выдавал себя за большого физиогномиста и ученика *Лафатерова*.

Странное сие предсказание оправдалось, к несчастью, совершенным событием: в течение трех лет лишился я всех дочерей моих».

См. Нов. Литт., 1822 года, No. 4.

XXXII

Видение, бывшее Г-ну Диппелю на острове Борнгольме в 1726 году

Нассау-Уэингенский Гофрат К. II. Пленк рассказывает следующее:

«В 1734 году Апреля 24-го Принцесса Нассау-Узингенская отправила меня в Витгенштейн. Я неохотно оставил свою химическую работ, но, как Г. *Диппель* или так называемый *Христианский Демокрит*, там же имел свое пребывание и из Берленбурга совсем удалился, то сей путь в старости моей был мне приятель. В 5 часов утра прибыл я туда, явился к Г-ну Гофмейстеру Бринку, и Святую неделю провел в Витгенштейне. Здесь имел я разговор с Г-м Диппелем и просил его, чтоб он обстоятельно сообщил мне то, о чем я слышал от Г-на Доктора Карла в Узингене. Почему Г. Диппель и стал рассказывать мне следующим образом: «Когда я был на острове Борнгольме почетным пленником и жил в пространном аресте, в котором, однакож, сам долженствовал готовить себе кушанье и стол накрывать, пошел я однажды в начале весны из моей комнаты в старую залу, примыкавшую к той, в которой я имел запас свой, дабы принести пива к обеду; там увидел я, в ясный день, посреди помянутой залы, высокого черного человека, одетого по-матросски, и которого я очень знал; все платье его, башмаки, чулки, шапка, казались как бы из черной камки; лицо же было бледно и смугло. После некоторого ужаса, спросил я: «Кто ты?» Он отвечал: «Я великий Повелитель М . . . и пересказал сам весь свой титул. — По окончании оного, я сказал ему: «Так! ты был тем; но ныне уже не то, и теперь это ни к чему тебе не служит». Тогда дух, разгневавшись, спросил: «Для чего говоришь мне *ты*, когда знаешь, кто я?» — Я отвечал: «Ты теперь не можешь в сем мире ничего повелевать, и то, что ты здесь имел или чем ты был, не может уже быть тебе полезно». На сии слова дух

сказал: «Я имел добрые в рассуждении тебя намерения, и в жизни моей хорошее имел о тебе мнение; ибо я решился было Флотом избавить тебя из плена и взять с собою в М. . . , дабы пользоваться твоими советами и чрез тебя много учредить полезного». Я отвечал на то: «Однако ничего не сделано, и теперь не можно уже тому помочь». — Потом дух просил меня молиться об нем: ибо, говорил он, многие духи нападают на меня, которые меня сильнее и от которых я не могу оборониться. Когда ж я объявил духу, что я и в этом не могу ему помочь, то он исчез. Диппель присовокупил, что, как ему помнится, действительно до сего явления был однажды виден пред островом Борнгольмом какой-то Флот, о намерении которого он не знал; но оный Флот по причине худой погоды должен был удалиться. По прошествии трех месяцев, продолжал Г. Диппель, когда был наидолжайший день, опять увидел я сего духа в ясный полдень в той же зале, однако он ничего не говорил и показался в ином виде; ибо платье было на нем серое, и в одной руке держал он земной шар, который бросил с такою силою на под, что он расшибся в несколько тысяч кусков, и куски так разлетелись, что их стало не видно. После того дух упал на колена и начал молиться. Тотчас напали на него в великом множестве духи отшедших, т. е. тех, коих он в правление свое не только жестоко наказывал, но и лишил жизни; они посадили его на стул, потом сбросили его; посадили его опять, били по щекам, опять толкнули и топтали его ногами. В это время дух сидел в покорной тишине, как агнец, и попускал делать с собою все, что они хотели; наконец все исчезло. Г. Диппель заключил повествование сими словами: «Я удивился, видя сего великого человека в такое короткое время столь переменившегося». — После сего мы пошли с Г. Диппелем к ужину, за которым он по обыкновению разумно рассуждал обо всем. Мы расстались друг с другом здоровы; но на другой день, в день Пасхи, 25 Апреля 1734 года, Г. Диппель найден в постели мертвым.

См. Кн. о явл. дух. по смер. Пренцлау
и Лейпц., 1749.

XXXIII

Видение Шведского Короля Карла XI

Уверяют, что подлинное описание сего видения, самим Королем Карлом XI сделанное, хранится в Государственном Архиве. В первый раз появилась копия с оногo в 4-й тетради Немецкого сочинения под названием: *Отечественный музей*. Вот перевод оногo:

«Я, Карл XI, нынешний Король Шведский, почувствовал сильнейший обыкновенного припадок меланхолии в ночи с 16-го на 17-е Декабря 1676 года. — Проснувшись в половине 12-го часа, нечаянно взглянул я на окна, и поражен был великим светом, который, казалось, происходил из залы Сейма. Я дал его заметить Г-ну Биелке, бывшему тогда в моей комнате, сказав ему, что я опасуюсь, не загорелось ли в сей части дворца. Он отвечал мне, что это не иное что, как отражение лунного сияния в окнах. Удовольствовавшись сим изъяснением, я оборотился к стене, чтобы несколько успокоиться, но, чувствуя в себе чрезмерное волнение, я опять взглянул на окна и, как свет снова меня беспокоил, то я изъяснил новые опасения. Добрый Биелке опять уверял меня, что одна луна производит сие действие. В ту же минуту вошел брат его, Тайный Советник, чтобы осведомиться о моем здоровье. Я тотчас спросил у него, не заметил ли он необыкновенного света в зале Сейма. Помолчав несколько минут, он отвечал мне, что пожара нигде нет, и приписывал свет, поражавший мои взоры, также лунному сиянию. Успокоившись несколько, я внимательно рассматривал окна залы, и мне показалось вдруг, что я вижу там сквозь стекла людей.

Я тотчас встал, отворил окно и, пораженный великим сиянием, сказал: «Господа! Конечно, происходит что-нибудь чрезвычайное. Вы, без сомнения, уверены, что тот, кто боится Бога, не должен ничего другого бояться. Итак, я хочу сам пойти узнать причину всего этого. Я приказал тотчас по-

звать Смотрителя Замка с ключами. Как скоро он явился, я взошел в тайный переход, находящийся над моею комнатою, по правую сторону спальни Густава Вазы. Когда я приказал Смотрителю отворить дверь, то он просил меня его от этого уволить. Тогда я поручил сие Биелке; но он стал просить меня о том же. Я обратился к Тайному Советнику Оксенштирну, который пришел к нам, однакож и он отвечал мне: «Государь! я клялся жертвовать имуществом и жизни своею службе Вашего Величества; но не давал клятвы на подобный случай». Я и сам не мог в эту минуту преодолеть некоторого страха; но, ободрившись, взял ключи, отворил дверь и увидел, что стены и самый пол этой комнаты были обиты черным. Внезапный ужас овладел всеми нами. Однако я пошел к зале Сейма. Я приказывал Смотрителю отворить туда дверь; но он опять заклинал меня пощадить его. Прочие оказали таковой же страх и такое же нехотение. Итак, я сам отворил дверь и в сию залу; но едва вошел в нее, как с поспешностью возвратился назад и сказал сопровождавшим меня: «Господа! Хотите ли идти за мною? Мы увидим, что здесь происходит и, может быть, Господь хочет явить нам здесь откровение». Они отвечали мне с трепетом: «Государь! мы следуем за вами!».

Первый предмет, поразивший мои взоры, был большой стол, вокруг которого сидели 16 человек важного вида. Большие книги лежали открытые перед ними; почетное место занимал юноша 16 или 18 лет, имевший на голове своей корону, а в руке скипетр. По правую его сторону сидел человек лет сорока, большого роста и прекрасного лица, означавшего правоту. По левую находился 70-летний старец. Я заметил, что молодой Король несколько раз покачал головою, и тотчас все присутствующие ударили сильно по своим книгам. Тогда взоры мои обратились на множество плах, расставленных вокруг стола: палачи, с подобранными руками, рубили головы одну за другою, и потоки крови проливались. Свидетельствуюсь Богом что я был в чрезвычайном ужасе. Я посмотрел на свои туфли, чтобы увидеть, не в крови ли они и, к удовольствию, сего не заметил. Несчастные жертвы были по большей части молодые дворя-

не. Обратив потом взоры свои на один край залы, я увидел полуопрокинутый трон, и подле него человека, который, казалось, был Регентом Королевства; ему было около 40 лет, Затрепетав от ужаса, я пошел к дверям и воскликнул: «Какой глас Божий услышу я? Когда все это случится?» Мне ничего не ответствовали; но молодой Король вторично покачал головою, и опять все Советники сильно ударили по своим книгам. Я вскричал громче: «Поведай мне, о Боже! когда сие совершится, и открой мне, что тогда должно мне делать?» Молодой Король стал говорить и сказал мне: «Видимое тобою случится не в твое время, но в царствование 6-го Короля после тебя; он будет одинаких лет и одного вида со мною; сидящий подле меня показывает тебе, что такого вида будет опекун его. В последние годы управления о п е к у н а сего будет угрожаем Трон падением от некоторых из молодых дворян; но он будет уметь так восстановить и утвердить его, что он соделается более, нежели когда-либо, непоколебимым; и тогда займет его Король, величайший из всех, коих Швеции имела и иметь будет. Он составит счастье Шведского народа и достигнет глубокой старости. Он уплатит все Государственные долги и оставит богатую казну; но прежде, нежели совершит сии великие дела, он встретит препятствия и ты должен своими советами помочь ему преодолеть их...» Когда он оканчивал слова сии, то все исчезло, и мы увидели себя одних, со свечами в руках.

Проходя комнаты Густава Вазы, заметили мы, что черные обои были сняты и все приведено было в прежний порядок. Вошед в свою комнату, я начал тотчас писать в виде письма, и сколько мог лучше, требуемые от меня советы. Все рассказанное мною есть истина: я утверждаю сие клятвою.

Подписано: Карл XI, нынешний Король Шведский.

Говорят, что вышеупомянутые советы хранятся за Королевскою печатью, которую каждый новый Король сни-

мает и, прочитав сие таинственное письмо, опять запечатывает оное.

См. Альтон. Сев. Пчел. No .10, 1811 года.

XXXXIV

Чудесное приключение, бывшее в Германии в 1821 году

В письмах с Манна и во всех Немецких ведомостях повествуется следующее, столь же невероятное, как и ужасное происшествие. Близ Эрбаха, что в Оденвальде, находится древний, развалившийся замок Шнеллерт. В народе давно существовало предание, будто бы в нем обитает дух, который от времени до времени посещает все окрестности. Пришествие сего незваного гостя обыкновенно сопровождается громом и бурей. Жители ближних деревень, и особенно Обер-Кейнсбаха, уверяют, что они неоднократно были уже свидетелями сего непонятного явления; но никогда дух не выходил из замка в столь страшном виде, как в ночи с 8-го на 9-е Августа. В протоколе, сочиненном по сему поводу, сказано следующее: «Около полуночи раздался по всем окрестностям ужасный шум, происходивший, по-видимому, из развалин замка Шнеллерта. Шум беспрестанно увеличивался, и весьма ясно можно было различить гром, похожий на пушечную пальбу, и стук, производимый, как казалось, скорою ездою артиллерийских орудий, запасных фур или других тяжелых экипажей. Сверх того слышан был в воздухе некоторый вой и свист, как будто бы все ветры дули вместе, и ужаснейший вихрь свирепствовал со всех сторон. Это казалось тем удивительнее, что ни одно деревцо не колебалось. Посреди сего грома и шума раздавались также радостные и жалобные крики, происходившие, как казалось, от тысячи голосов. По временам были также слышны

звуки, подобные трубам и литаврам. С ними смешивался слышно было ржание лошадей и стук оружия. Сии ужасы продолжались почти целые два часа, и достигли наконец до такой степени, что многие из поселян вообразили наступавшее преставление света. Все жители Обер-Кейнсбаха, Лангенбробака, Геймлаха и проч, были свидетелями сих ужасов; да и в отдаленнейших селениях, как-то в Ахгольдере и Вольбахе, слышан был сей страшный шум. Когда грозный дух вступил в Ротенштейн, бывающий, как говорит предание, обыкновенною целью его путешествий, то появился на восточной стороне горизонта кровавый крест, окруженный пламенными всадниками, и множество черных облаков, кои имели вид гробниц. Потом все сие превратилось в кровавое и огненное море, покрывшее все небо; а наконец исчезло и сие последнее со страшным треском, подобным тому, который происходит при падении горы. За сим небо появилось в прежней своей ясности, и все звезды блистали прекраснейшим светом. Повторяем, что более тысячи человек были свидетелями сего ужасного и чудесного явления.

См. Моск. Вед. No. 73, 1821 года.

Книга публикуется по первоизданию (М.: Университетская тип., 1829) в новой орфографии, с исправлениями пунктуации и некоторых устаревших оборотов.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.